

Пролог

Нашидни. 6/06/ 2019

IAMX 'This Will Make You Love Again'

- Что случилось?

- Кай разбился. Вылетел с автобана на своём Порше.

Пауза.

Пауза и пустота.

- Когда?

- Сегодня днём... Мы звонили тебе несколько часов подряд! Какого чёрта ты не брала трубку?!

Белые магнолии плывут, растягивая хвосты в спектре солнечных лучей, размываясь в кометы. В лёгких спазм, но дыхание есть, невзирая на внутренний вопрос «Зачем?».

- Викки? Викки! – доносится из трубки. – Виктория!

- Говори дальше! – прошу её шёпотом.

- Машина всмятку, Лейф сказал - металлолом.

Она говорит о машине. Почему она говорит о машине? Почему не о человеке?

- Кай? – и это в большей степени стон, чем вопрос.

- Спокойно! Держи себя в руках, поняла? Он жив. Жив ещё...

- Жив?

Жив, жив, жив... в ушах шёпот с британским акцентом.

- Да, но переломан... сильно.

Такого ещё не было? Вот такого, как сейчас, разве не было? Из меня уходит кровь... куда? В землю. Земля вытягивает её через ноги, руки, через поры. Так быстро... И мне холодно. Мне так холодно... и страшно.

Да... в *тот* раз, такого не было. Потому что Кай *был*... У меня был ещё Кай.

- Да не ори! Дура! Не ори, слышишь! Жив он! Ещё жив! Хватай такси, тащи свою задницу сюда, в Ванкувер Джeneral Хоспитал... Успеешь!

В это мгновение я падаю в пропасть, стою на коленях перед судьбой и раболепно молю её о снисхождении.

- Успеешь! - отвечает она голосом Адити.

Глава 1. Проволочное сердце

Семнадцать лет назад

FadeIntoYouMazzyStar

Мне было... двадцать два, и ходила я мимо этого сердца около года: ржавое, замызганное, выброшенное и более никому не нужное, оно день за днём валялось под ногами на перекрёстке у фонарного столба, рядом с кампусом. Несколько колец из тонкой проволоки, поперечно обмотанных ею же и сдавленных чьими-то пальцами в форму сердца.

В утренней спешке я чаще всего пролетала мимо, уже привычно здороваясь с ним взглядом, но иногда, в особенно задумчивые дни, размышляла о его судьбе: «Случайно потерялось или чья-то рассерженная рука выбросила тебя тут страдать в одиночестве?»

И однажды я его подняла. Отряхнула от налипшего за месяцы дождей песка, не рассматривая, сунула в карман - подумала, ему будет неприятно, если стану оценивать. Даже не подумала - почувствовала.

В тот же день произошла встреча.

Это был день подведения итогов четырёхлетней учёбы в Университете Британской Колумбии – получение Диплома Бакалавра Биологии. Торжественно вручённый в мои дрожащие руки документ откроет для меня двери медицинской школы, а за ней и лечебных учреждений для прохождения резидентуры.

Несколько часов спустя, а точнее почти уже ранним июньским вечером, скинув чёрное манто и дурацкую квадратную шляпу, я влезая в городской автобус, вынимаю из кармана проездной и прикладываю к сканеру:

- Спасибо! - улыбается водитель и получает ответ в виде моей лучшей «карманной» улыбки.

В передней части автобуса всё свободно, но страх выглядеть невоспитанным эгоистом, нагло усевшимся в «пенсионерской зоне», так прочно въелся в каждого ванкуверца, что я уверенно шагаю в заднюю часть. Почти все места заняты кроме двух: рядом с улыбчивой пожилой женщиной, сверкающей пирсингом в носу и ушах, и возле спящего молодого человека.

Не задумываясь о собственных мотивах, плюхаюсь в кресло рядом с парнем. Мой сосед дремлет, запрокинув голову на спинку, скрестив на груди руки и вытянув ноги под переднее сидение. Первое, что я замечаю - индейские кожаные браслеты на его запястьях, они необычны, потому что в традиционные ленты вплетены деревянные шарики различных оттенков - из разных пород дерева. Я стараюсь смотреть в окно, но взгляд сам собой цепляется за сидящего рядом, и я всматриваюсь в его умиротворённое сном лицо. Автобус выезжает на перекрёсток, оставив позади здания и деревья, заслонявшие до этого солнце, и останавливается. Свет, заполнивший салон, так ярок, а я сижу так близко, что, кажется, вижу каждую клетку кожи на лице парня, каждый волос пробивающейся на щеках щетины. Мне нравятся его брови: ровные, чёткие, в меру густые - такие же, как у меня, но на его лице они почему-то выглядят лучше, благороднее что ли. Я ещё не понимаю, что это, не осознаю, но чувствую уверенность и силу, безмятежность и покой: черты его лица словно знают, как сильно я этом нуждаюсь, и молчаливо обещают обо всём позаботиться.

Автобус проезжает одну остановку за другой, я уже потеряла им счёт, совершенно не беспокоясь о том, где нахожусь и как долго мне ещё ехать. Внезапно он сворачивает, и молодой человек слегка наваливается на меня плечом. Прикосновение длится не более секунды, но производит неожиданный эффект: я, законченный интроверт, страдающий, к тому же, лёгкой формой гаптофобии, испытываю головокружительное удовольствие от обычного толчка плечом в общественном транспорте.

Парень открывает глаза, и первое что ему попадается - это я. Тут случается другая странность: я не выношу чужих взглядов и всегда отворачиваюсь, но не на этот раз. Наверное, всё дело в зелени: никогда ещё в своей жизни я не видела настолько ярких зелёных радужек - изумрудных.

Mazzy Star - Common Burn

Мы долго смотрим друг на друга, замерев и боясь пошевелиться, нарушить что-то неопределённое, но интуитивно бесценное. В чувство нас приводит внезапный и почему-то как никогда пронзительный сигнал, оповещающий водителя о желании пассажира выйти на следующей остановке.

Я не отвожу взгляд, а буквально отскакиваю им, как резиновый мячик, и прячусь в плетении тканевых волокон на своей сумке. Но периферическим зрением всё-таки вижу, как мой сосед весь собирается, усаживается ровно, подбирает ноги, пнув перед этим рюкзак под сиденье со своей стороны, чтобы не мешал моим ступням. А он мне и не мешал.

У молодого человека настолько длинные ноги, что пространства между сидениями не хватает, чтобы их уместить, ему приходится либо максимально развести колени, либо занять часть территории соседа, то есть меня. Теперь мне становится понятным, почему несколько человек едут стоя, и никто не додумался усестись рядом с ним - мало места. А я села, потому что половины сидения мне вполне достаточно: мы, двое нестандартных пассажиров, идеально, так сказать, подходим габаритам этого автобуса именно в паре.

Парень сладко зевает, прикрыв рот рукой, я решаюсь взглянуть на него, и мы снова смотрим друг на друга. Он будто бы чувствует себя неловко, но приносить извинения за релакс в общественном транспорте нет надобности. Или есть? Видимо нет, потому что он запускает пятерню в свои волосы, с целью придать им цивилизный вид, и отворачивается к окну.

Странное состояние: я расстроена и обрадована одновременно. Мне и хочется, чтобы он здесь был, и не хочется, и приятно, и страшно. С одной стороны жду внимания, с другой боюсь - такие ощущения для меня новость, совершенно непознанное, а потому пугающее состояние духа. Незнакомые молодые люди со мной обычно флиртуют или, как минимум, заговаривают. Исключение составляют лишь те, кто уже успел меня узнать: для них я не существую как объект,

способный реагировать на внимание. И хотя к двадцати двум годам у меня уже довольно неплохо получается «не выделяться», общение с людьми всё ещё стремится к нулю.

Лихорадочно пытаюсь вспомнить, где бы мы могли пересекаться с соседом по автобусному сиденью, но безрезультатно: я его не знаю. Он посматривает на меня искоса - нагло разглядывать не решается, но я чувствую, что именно это он и делает. Не зная, куда себя деть, начинаю суетиться и вынимаю из сумки... книгу.

IAMX - TheChauffeur

Сегодня моя соседка по комнате Адити всю ночь не спала - читала, терзая мою нервную систему светом Икеевского торшера, и напоминать ей, человеку с соответствующим, хоть и неоконченным, медицинским образованием, о роли мелатонина в качественном здоровом сне было бесполезно. А утром она бросилась в атаку с призывом:

- Ты обязана ЭТО прочитать! Такая книга... ТАКАЯ книга! Мне жизненно необходимо её с кем-нибудь обсудить, или я сойду от эмоций! Ты понимаешь?!

Вообще, вот уже четыре года единственное, что я читаю - это литература одного жанра - научного - медицинского, но Адити неугомонна, суёт книжку мне в сумку со словами:

- Прочти хотя бы первые семь глав, там такой момент будет, такой момент... такой герой!

И вот, пытаясь унять панику, я вынимаю шедевр из сумки и вижу на обложке этого самого героя, обуреваемого страстью к неземной красоте мадаме на фоне эдемских цветов. Быстро раскрываю произведение ровно посередине: главное, чтобы сосед не успел рассмотреть обложку. Глаза в строчках, а мысли мои далеко... очень далеко.

Внезапно слышу странное хмыканье. Поворачиваю голову: глаза незнакомца поблёскивают, рот растянут в улыбке, и вообще ему, похоже, очень весело.

Мысленно окрестив невежу придурком, возвращаюсь к страницам из дешёвенькой бумаги и на этот раз действительно читаю...

«... Родриго освободил из плена свой посох любви, купая при этом Эльвиру в бурлящем океане своих жадных поцелуев.

И тут я ещё не соображаю, о каком посохе речь, поэтому продолжаю читать дальше:

«Когда на посохе показалась жемчужина страсти, Эльвира взмолила Родриго о пощаде, и тот со звериным возгласом ворвался в её пещеру...».

Тормозной путь у меня довольно долгий, но когда происходит окончательная остановка, с моей эмоциональностью приключается очередной коллапс: глаза едва не вылезают из глазниц, щёки в мегаскоростном режиме нагреваются до температуры готового к использованию утюга. Если меня сейчас перевернуть вверх ногами и опустить головой в ведро с водой, я её точно вскипачу.

Пунцовая, тяну руку в опасной близости к незнакомцу, но сейчас меня вообще это не заботит, хватаюсь за шнур, дёргаю за него так, что едва не вырываю с корнем, требуя немедленно остановить автобус. Затем срываюсь к выходу. А мой сосед, тем временем, прикрыв рукой глаза, бесстыдно ржёт - его плечи и спина содрогаются в каком-то нервно-веселящемся ритме. Ещё успеваю заметить, что ему не только для ног не хватает места, но и плечи не умещаются в периметре спинки сиденья - маловато ширины.

Отсмеявшись, он медленно, неторопливо, даже как-то вальяжно вытягивает свой рюкзак из-под сиденья, не без труда поднимается и направляется в мою сторону. Я отворачиваюсь и становлюсь ещё пунцовее - от стыда горят не только щёки и уши, но, кажется, и волосы тоже. Ну, Адити! Ну, зараза! Устрою же я тебе ночь со светомузыкой сегодня!

Виновник расстройства моего духа становится прямо у меня за спиной, и коротюсенький путь до остановки превращается в пытку моего самообладания.

К вопросу секса я отношусь... я к нему вообще не отношусь. Если учесть, что прикосновения близких вызывают дискомфорт, а контакт с посторонними - панику, секс, соответственно, давно вычеркнут из списка возможной активности. Моё будущее предрешиено, жизнь распланирована и расписана едва ли не по минутам: я буду лечить детей. А годам к тридцати прибегну к методу искусственной фертилизации и рожу одного ребёнка. Возможно, двух. Поэтому интеракции с противоположным полом никогда не занимают ни моё время, ни сознание.

Однако Адити уже удалось немного раскатать эту установку словами:

- Как так, прожить жизнь и не испытать самое главное в ней удовольствие? Ты что? Совсем того... дурная?

Сложно спорить с наличием в этой глубокой мысли некоего рационального зерна, но как представлю нависающую над собой обезьяну, одну из тех, что учатся со мной на курсе, мною тут же обуревают не страсть, а дикое желание уничтожить мужскую популяцию как таковую. Только папу можно было бы оставить, если б он был ещё жив.

IAMX - Think of England (acoustic)

Автобус останавливается, я выскакиваю, как ошпаренная и тут только соображаю, где нахожусь, и что успела проехать восемь-десять остановок мимо. Теперь нужно возвращаться: перебегаю дорогу, заныриваю под навес остановки и упираюсь взглядом в... шагающего прямо на меня соседа.

Да что ж это? Не то, чтобы я его боялась, но всё это как-то... очень странно. И подозрительно.

- Вы меня преследуете?

- Нет, - улыбается.

- Вам же нужно туда! - тычу рукой в направлении всё ещё виднеющегося «нашего» автобуса.

- Я проспал свою остановку.

У меня мурашки. По спине, рукам, ногам и даже волосы немного дыбом: потому что БРИТАНСКИЙ АКЦЕНТ! Мой любимый. Чеканность слов, грация в темпе и ритме интонаций, стройность фраз, а голос... он словно завязывается не в голосовых связках, а где-то значительно ниже - в груди. Глубоко внутри этого громадного в сравнении со мной тела. Теперь, когда мы оба находимся в вертикальном положении, вопиющая разница в росте заставляет меня ощущать себя кнопкой.

- Ладно, - говорю.

Парень небрежно бросает рюкзак прямо на асфальт и, обняв себя руками, ждёт. Так же как и я. Так же, как и я, старается не смотреть в мою сторону.

- А Вы тоже... обратно? - вдруг спрашивает.

- Да.

- Зачитались?

Вот же наглец! Бесстыжий!

- Не Ваше дело, - говорю, не поворачивая головы.

- Зря Вы так... реагируете. Что естественно, то...

- А что естественно? - тут уже я поворачиваюсь к нему всем телом.

Он что? Начнёт мне сейчас толковать про посохи с жемчужинами? Или про огнедышащие пещеры? Или как там было?

- Ваш интерес к...

- Нет у меня никакого интереса! Это вообще не моя книга! Это подруга дала! Попросила... прочитать, - кажется, я загнала себя в логический тупик.

Он пожимает плечами, продолжает глумиться взглядом:

- Я не имею ничего против.

Вот именно! Ещё бы он был против!

Но акцент... я не перестаю жадно ловить интонации в голосе незнакомца, невзирая на стыд, возмущение, раздражение. Автобус прибывает очень скоро, я бегу в самый конец - только бы подальше от моего нравственного позора, и парень, Слава Богу, догадывается остаться в среднем секторе в ущерб себе: стоя, хотя рядом со мной есть свободные места.

Странно, но я огорчена, и досаду на двусмысленность собственных желаний: всю поездку не прекращаю искать и находить глазами самую высокую фигуру в салоне. И она на месте, небрежно сложив руки на поручне, за который нормальные люди обычно держатся, чтобы не упасть. За всё время пути он ни разу не посмотрит в мою сторону, а я немо, глухо, прячась от самой себя, буду уговаривать Вселенную, чтобы высокий парень проехал хотя бы ещё одну остановку вместе со

мною...

Глава 2. Просветление

Наши дни. 6/06/ 2019

IAMX - Screams

Вначале прихожу в себя. У меня снова был приступ, но сейчас мне плевать.

Потом бегу.

Долго бегу. Пока не приходит понимание, что направление не задано, коллапсирующий мозг не выдал команды. Я даже не знаю, что это за улица, что за дома вокруг и люди... все чужие. Чужие люди повсюду.

С возвращением первых проблесков сознания пальцы набирают службы такси: милые леди, одна за другой приносят тысячи канадских извинений за отсутствие свободных машин в моей зоне.

- Мне нужно в больницу! - рыдаю в трубку.

- Извините, мэм, звоните в имёрдженси!

Меня не покидает чувство нереальности происходящего:

- Я ненавижу вас, - говорю ей, а самой страшно от внезапного спокойствия в голосе. - Ненавижу всех, всё, этот мир презираю и себя...тоже. Больше всего - себя.

Но мозг работает. Хоть и лихорадочно, однако пытается соображать, потому что душе необходимо быть в одном единственном чётко определённом месте, а душа - в теле. И тут я вспоминаю... что у меня есть машина. Да, я же теперь сама вожу. Где-то здесь, неподалёку, на гостевой парковке шестиэтажного дома с цветными магнолиями во дворе должна быть моя белая BMW.

Сморою на трясущиеся пальцы, линии на потных ладонях, кладу их на диск руля: я в сознании и почти в норме, но в таком состоянии за руль нельзя.

- Соберись, - приказываю себе вслух. - Хотя бы раз в жизни соберись! Один раз сделай хоть что-нибудь правильно!

А руки всё трясутся. Ловлю собственный взгляд в отражении зеркала заднего вида. Какие же у меня глаза... карие. Какие они, к чёрту, бархатные? Дьявольские. Больные. Цвета помешательства.

- Что смотришь? - спрашиваю.- Теперь только поняла? Теперь только, да? Когда всё, абсолютно всё перестало иметь смысл?

Зубы стучат. Ног не чувствую - чёртова Арктика. И лететь никуда не нужно.

Внезапно слышу негромкий стук по стеклу и тень, но моё тело даже не вздрагивает, а подскакивает, как резиновый мяч...

Семнадцатилетназад

The Verve - Bitter Sweet Symphony

В день нашего бракосочетания я не могла оторвать от Кая глаз. Мне казалось, мои совсем не цепкие руки умудрились отхватить у судьбы самый большущий кусок счастья, и я проглотила его, не жуя, чтобы не отняли. Он весь, целиком, до самой последней крошки был во мне и распирал вечным, как я тогда была уверена, сиянием моего чувства.

- Твой будущий муж - очень хитрый и расчётливый человек, Виктория, - сказала мама, зашнуровывая на моей спине дорогое кремовое платье. - Но надёжный. Лучшие браки получаются именно с такими, как он - умными, уравновешенными, сбалансированными. В этом возрасте у парней ещё дури хоть отбавляй, а у него трезвый, оценивающий взгляд на всё, без исключения - как у глубоко зрелого человека. С таких мужчин начинаются кланы...

- Ты-то откуда знаешь, Боже мой! - звенела я смехом, сияла улыбками.

- Опыт, дочь. Бесценный, наслоившийся за годы опыт. И твой отец был таким же. Если бы не умер, достиг бы очень многого, очень... А у вас вся жизнь впереди. Пусть она будет долгой!

Мы познакомились... Чёрт возьми, я даже не могу сказать, когда именно. Это была череда встреч, где ни один из нас не знакомился с другим, но в определённой точке этого «незнакомства» мы уже прочно и безоговорочно друг друга знали.

Однажды вечером, вскоре после конфуза в автобусе, Адити заявила со свидания немного нетрезвой, но безобразно воодушевлённой:

- Я нашла тебе работу.

- Мне? Серьёзно?

- Ага. В клинике, оказывающей деликатные медицинские услуги. А если говорить по-простому, то в венерологическом кабинете.

- Да ладно!

- Не крути носом! Первая работа, она, как и первая машина, должна быть такой!

- Какой?

- Непрезентабельной.

- А сама чего не идёшь?

- Это не вписывается в мою жизненную философию. А вот в твой долгосрочный план - вполне.

Работа оказалась несложной: запись пациентов, документооборот, ответы на телефонные звонки. Зелёную медформу я носила гордо, но к практической стороне оказываемых медицинских услуг даже не прикасалась: для этого у нас имелся целый комплект дипломированных врачей и их ассистентов. Обнадёживающей частью моего трудоустройства являлось обещание администратора со временем повысить меня до ассистента. Но мне больше нравилось верить в то, что до этого моя карьера всё-таки не доползёт.

Задрав руки кверху, я связываю свою чёрную длинную гриву в хвост, как вдруг колокольчики у входа вздрагивают, и в приёмную входит мужчина.

ОН.

И что мне сразу не понравилось, так это то, что я мгновенно его узнаю.

С едва заметной улыбочкой ОН останавливается у стойки и пялится на меня, ожидая внимания:

- Привет!

- Добро пожаловать в нашу клинику, - мисс «сама учтивость». - Вам назначено, или вы хотели бы записаться на приём?

- Хотел бы записаться.

Думаю, в тот миг, когда мой мозг посетила коварная мысль, приёмную озарил свет от вспышки дьявольского предвкушения в моих глазах.

- К которому из специалистов? - стараюсь максимально «потушить» свой энтузиазм.

- А кто у вас есть?

Перечисляю имена практикующих в нашей клинике андрологов- венерологов, а в голове стремительно зреет план отмщения.

- Миссис Керрфут мне подойдёт, - делает он выбор, но... его улыбка смахивает на зловещую.

«Какого чёрта?» - думаю. Разве не должен он ступешаться в таких пикантных обстоятельствах? Где бегающий потупленный взгляд, вкрадчивый голос, опущенные плечи жаждущего сжаться до размеров горошины грешника?

И если до этой его наглости у меня и были микроскопические сомнения, попрекающие не так давно данной клятвой Гиппократ, то теперь...

- Миссис Керрфут сможет принять Вас через три недели, если нет острых симптомов.

- У меня острые... очень острые! - его лицо, наконец, приобретает подобие скорби, кулак нервно

сжимает белую футболку на груди.

На мгновение во мне поднимает голову сострадание, но память живенько так предъявляет наглое лицо этого поборника нравственности, его дёргающиеся от гомерического смеха плечи и мой конфуз несколько недель назад. Не знаю, за что я жаждала ему отомстить: за насмешку или за саму ситуацию в целом, но потребность отплатить той же монетой со значительным отрывом обгоняла здравый смысл:

- Хорошо. Посмотрим, что можно сделать, - утешаю страждущего от венерической хвори пациента, сохраняя видимость профессионализма. - Я задам несколько вопросов.

- Да, конечно! Сколько угодно, мисс...- приглядывается к бейджику у меня на груди, - мисс Виктория, вам эта одежда не великовата?

Великовата. Но моего размера в магазине униформы не было, а мне нужно было срочно заступать, поэтому мои и без того малость детские плечи и руки утопи в необъятной рубашке.

Сложно держать себя в руках, но ещё тяжелее скрывать раздражение, которое этот тип с самодовольной рожей всезнайки так бесперебойно генерирует в моём эмоциональном поле.

- Ваше имя?

- Кай.

- Фамилия?

Он на мгновение запинается, затем медленно произносит:

- Керрфут.

Мне кажется, из моих глаз сейчас посыплются огнеопасные искры и весь этот офис вспыхнет, как нефтяной склад.

- Извините, но боюсь, здесь не место для шуточек и...

Прямо перед моим носом на стойку дерзко ложится пластик водительской лицензии, на которой ровными английскими буквами ныне действующего алфавита указано: Kay Kerrfoot.

- Однофамильцы, - совершенно спокойно и даже мягко сообщает пациент, пряча права в задний карман джинсов.

Я записываю имя в анкету, прикреплённую зажимом к картонному планшету, которые мы обычно выдаём клиентам для самостоятельного заполнения. Но вот этому кандидату на приём мне важно оказать максимальную помощь.

- Среднее имя?

- Его нет, вы же видели мою лицензию.

- Возраст? - не могу перебороть себя и опускаю обязательные ВАШ и ПОЖАЛУЙСТА.

- Двадцать три.

- Адрес?

А далее... а далее, следуют вопросы, из-за которых я могу потерять работу, но накал звона в моих ушах так силён, что голос разума услышать практически не реально:

- Как часто живёте половой жизнью?

Девушка, сидящая в кресле у двери, мгновенно отрывает накрашенные глаза от книги и вонзает их в моего пациента. Но даже это не способно сбить меня с толку. А пациент, прищурив глаза, сообщает:

- Часто.

- К сожалению, в анкете нет такого варианта ответа. Более одного раза в неделю, более трёх раз в неделю, более пяти раз в неделю, более десяти...

- Более десяти.

Само собой, эта часть нашего диалога не могла остаться незамеченной - взгляды всех присутствующих в зале голов устремились на нас. И негодовать по поводу того, почему всем этим людям нельзя заниматься своими делами, а нужно совать свой нос в чужие дела, бесполезно.

Я сбавляю громкость:

- Какие у Вас симптомы?

- Что? – спесь слетает с его лица.

- Что Вас беспокоит?

Он тянет с ответом и я, болея душой за качество сервиса клиники, ну просто вынуждена предлагать варианты:

- Болезненное мочеиспускание?

Кивает.

- Зуд и жжение в уретре?

Оглядываюсь на проход, ведущий к приёмным комнатам – не идёт ли кто из наших докторов: все эти вопросы имеет право задавать только врач и только в интимной обстановке врачебного уединения.

- Гнойные выделения?

Кивает. Глаза становятся больше, как и зрачки.

- В каком количестве?

- В большом количестве.

- Повышение температуры тела, боли при акте дефекации?

Меня несёт на крыльях злорадства. Причём на всех парах, да так, что я уже генерирую вопросы, которых нет и в принципе не могло быть в анкете:

- Вступали ли Вы в половые связи с представительницами древнейшей профессии? - и меня даже не смущает пафосность формулировки моего «опросника».

- Кай? Ты уже здесь? Почему не позвонил, сынок?

Мать моя женщина... Вернее, эта женщина и в буквальном смысле моё прямое начальство – его мать?

Пока я, уже даже не рефлексирюя по поводу концентрации красного и буйства его оттенков на моём лице, прикрываю одной рукой глаза, а другой сминаю листок опросника, Миссис Керрфут подплывает всей необъятностью своей фигуры к Каю и тянется с поцелуем. Он вынужден согнуться едва ли не вдвое, чтобы её губы имели шанс дотянуться до его щеки.

- Мам, я тороплюсь, - протягивает ей автомобильные ключи. - Всё сделали, я проверил – прогнал её по первому шоссе, стука больше нет. Масло поменяли, прокладки, заменили колодки, проверили тормоза. Пользуйся.

- Спасибо, сынок! Выручил. Зайди ко мне хоть поешь!

- Нет, я серьёзно опаздываю. Да и Лейф с Олсоном ждут в машине, я же твою гнал.

- Хорошо, хорошо! В воскресенье жду вас с Дженной к обеду. Не забудь!

- Хорошо.

И, уже звеня колокольчиками входной двери, Кай Керрфут словно бы невзначай вспоминает обо мне:

- Пока! На приём заскочу как-нибудь в другой раз, - подмигивает.

Но меня всё это совершенно уже не волнует, потому что в голове застряло только одно имя:

Дженна... Значит, Дженна.

Глава 3. Первая вечеринка или месть, которой нет

Семнадцать лет назад

The Verve - Bitter Sweet Symphony

В школе я мечтала о пробирках, мне казалось, нет занятия интереснее, чем разглядывать под микроскопом живые клетки, находить аномалии, патологии, проводить исследования.

В итоге, поступила на факультет биологии. Именно там я и повстречала Адити - мою первую настоящую подругу. Мы не просто не были похожи, а будто прибыли на Землю с разных планет, однако, каким-то странным и даже чудесным образом говорили на одном языке.

Наша дружба началась с диалога:

- Почему ты не снимаешь с шеи этот платок? Жарко же!

На прямолинейный вопрос даю чистосердечный ответ:

- Потому что в этом месте у меня уродливый шрам - не хочу пугать общественность.

- Дай посмотреть.

Я развязываю шёлковый шарф и выгибаю шею так, чтобы любопытству было удобнее себя удовлетворять.

- Чёрт, это круто. Реально круто!

- Ты считаешь? - удивляюсь её горящим глазам.

- Ты же девушка с изюминкой! Парням нравится защищать слабых. А ты с этим отпечатком чего бы там ни было выглядишь так, будто именно тебе эта забота нужнее всех! Я Адити, - протягивает руку. - Тебе больше нравится кровать у стены или у окна?

- Ты серьёзно мне уступишь?

- Почему нет?

- Когда-нибудь ты уступишь мне в чём-нибудь для меня важным, - подмигивает.

Походы на вечеринки - все, до единого, были моими ей уступками. Я точно не знала, какую цель преследовала Адити, таская меня на них, но допускала, что она просто не в состоянии понять степень моего мучения всякий раз, как я оказываюсь в громящем музыкой замкнутом пространстве, набитом незнакомыми людьми. Поэтому мои уступки случались крайне редко и только потому, что являлись частью моего собственного плана социализации. И к тому же, за каждую подобную вылазку я выдавала себе стимулирующую награду - лимонный торт.

Это была не первая в моей жизни вечеринка, но совершенно точно первая настоящая, когда хитросплетения человеческих симпатий внезапно становятся частью тебя. Ты больше не аутсайдер.

Оказалась я на ней по причине, не нарушающей традиций:

- Викки, только ты своей непорочностью способна удержать меня от очередного грехопадения! - взмолилась в одно прекрасное июльское воскресенье Адити. - Только оденься по-человечески.

В результате долгих и мучительных споров мы сходимся на джинсах и блузке. Но когда Адити предъявляет мне жёлтые босоножки на высоченной танкетке с заявлением: «Твой рост может заинтересовать только педофилов», у меня возникают подозрения, что миссия моя заключается вовсе не в избегании секса, а в удвоении его количества. Как бы там ни было, я соглашаюсь. Причин у меня для этого масса, и Адити совершенно не обязательно о них знать.

В квартире на тринадцатом этаже новой стеклянной высотки, расположенной в одном из недешёвых районов Большого Ванкувера - Китсилано, я сразу чувствую себя не в своей тарелке. На подобных мероприятиях со мной никогда не случается ничего хорошего.

Я слышу голос. Среди всей какофонии звуков - орущей бестолковой музыки, смеха, возгласов, монотонного гула чьих-то историй, мои уши улавливают один особенный мужской голос. Необычный. Он громкий и глубокий, даже где-то грудной, но главное - терзающий нечто первобытное в тебе своим мужским тембром и породистым британским произношением. Такими голосами говорят рекламы дорогих автомобилей.

Мои глаза рыщут в толпе, шарят и находят: ну конечно! В моей жизни не бывает простых случайностей, только сложные. Я не знаю, о чём они говорят, и успеваю выхватить лишь отрывок беседы:

- Женщина умеет творить магию и красоту, её любовь - это солнечный зайчик, отражение света в

воде, - говорит парень с татуировкой не злой, но опасной собаки на плече.

- Как это, Лейф?

- На самом деле, проще некуда: мужчина - солнце, женщина - вода, если солнце светит, его отражение в воде расцветивает их мир бликами.

Лейф обнимает свободной рукой сидящую рядом симпатичную девушку и кивает в сторону монитора, показывающего сменяющиеся изображения очертаний обнажённой пары - ничего пошлого, всё скрыто бледными цветными пятнами.

- Если светит... - повторяет за ним девушка с волосами, похожими на паклю.

- Да, Дженни, только если солнце светит, вода даёт жизнь.

Дженни... Я сразу обратила внимание на её волосы: какая-то пародия на кудри. Волосы ведь тоже вьются по-разному, у Дженни настолько мелко и некрасиво, что её локоны, скорее, не локоны, а тусклые спутанные дреды. Вероятнее всего, она использует какую-нибудь выпрямляющую химию, чем только усугубляет ситуацию.

- Каким светом будет светить твоё солнце, если вода плеснёт в тебя предательством? - негромко интересуется британский акцент.

Не в шумной квартире в целом, но в этом тесном кружке сидящих на диванах людей виснет неловкая пауза. И мой незнакомец продолжает:

- Если не знаешь, что ответить, я помогу: сначала будет один большой «пшшшшшшш», - он разводит руками, - потом несколько столетий ядерной ночи. В конце, если повезёт - очень тусклый свет. Потому что светить у тебя больше нет ни сил, ни желания.

- Люди ошибаются, Кай! Никто не безупречен, такие вещи случаются...

- Всеми виной свободная любовь, свободные отношения, эмансипация, опять же - не мы это придумали, Кай! Скажи нашим родителям «спасибо»! - предлагает свой вариант Лейф. - Верность, честь и порядочность уже давно стали атрибутами рыцарской эпохи. Женщины равны в правах с мужчинами, все хотят секса и все хотят разнообразия...

- Иногда нужно прощать, а в отдельных случаях это жизненно необходимо! - выдаёт красивая черноволосая девушка. - Ситуации бывают разные, и знаешь, я бы выбрала любовь и время рядом с любимым, а не принципы, которые делают всех несчастными.

Кай молчит, затем с неподдельной тяжестью в голосе выдаёт:

- Думаешь, *так* ты будешь счастлива? Предательство убивает всё. Предательство уничтожает всё. Предательство нельзя прощать! НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ПРОЩАТЬ!

В его последней фразе столько экспрессии, а может, виной всему его чеканный британский говор, но у меня на руках, шее и спине поднимаются невидимые волоски, ползут мурашки, да так резво, что я даже вздрагиваю.

Он чувствует мой взгляд и непроизвольно смотрит в моём направлении. Отводит глаза первым, делает глоток из своей банки с пивом. Кто-то из ребят спрашивает:

- И что дальше?

- А дальше ничего, - отвечает своим завораживающе тяжёлым голосом.

- Как это, ничего?

- А вот так. Нечто в любой момент может превратиться в НИЧТО.

- А НИЧТО в нечто! - добавляет та самая девушка, волосы которой похожи на паклю, и улыбается ему так, словно оборачивает, окутывает его собой.

Но его глаза снова на мне, всего несколько мгновений мы смотрим друг на друга, и именно в этом ничтожно малом отрезке бесконечного времени решается наше будущее, а мы двое замерли, застыли на месте, не дыша и наблюдая за тем, как судьба скрипит пером, вписывая в свою скрижаль наши имена, располагая их рядом, вместе.

- Интересный этот парень, - тычу пальцем в моего автобусного незнакомца.

- Да, классный, - соглашается Адити.

- Голос у него необычный.

- Голос? Да ты обрати свой девственный взор на эти плечи, руки, талию... мать честная!

Да, мой незнакомец хорошо сложен. Даже слишком. Мужского много не только в его голосе, но и в каждой детали впечатляющей пропорциями фигуры. Смятая вечеринкой футболка собирается влажными складками на его плечах и лопатках, вызывая желание протянуть руку и отлепить от его кожи, снять и вышвырнуть вон, а затем внимательно изучить то, что он там прячет под ней.

А может, это просто мартини шалит в моей не привыкшей к градусам голове.

Hammock - Tether of Yearning

Подумав эту мысль, я решаюсь выйти глотнуть воздуха на террасу. От открывшегося вида перестаю дышать: когда-нибудь, когда стану самым лучшим в Ванкувере, да что там, во всей провинции педиатром, куплю себе квартиру в Китсилано. И обязательно в высотке, на одном из верхних этажей, чтобы вот так, как сейчас, любоваться горами...

Воздух в тот вечер был совершенно прозрачным, что редкость в наших краях, и горная гряда на фоне залитого лилово-оранжевым закатом горизонта виднелась чётко, как на открытке. А под ногами – тёмные северные воды залива Беррард. Мне казалось, я даже видела мерцающие вдалеке огни нашей столицы и моей тёзки Виктории на острове Ванкувер.

Шум отъезжающего в сторону слайда балконной двери заставляет меня вздрогнуть и практически застыть: это он. С его присутствием терраса сразу становится вдвое меньше.

Или это я в страхе ожидаю ответа на мои глупости в клинике. Горы всё так же прекрасны, залив всё так же холоден, только небо становится более тусклым и света всё меньше, прямо как в картине недавно нарисованной этим парнем – жизнь после ядерной ночи.

Я жду от него каких-нибудь обидных или, по крайней мере, едких слов. Но он молчит, в его руках сигарета и зажигалка.

- Будешь? – предлагает мне.

- Я не курю, - отвечаю, копируя его спокойствие в голосе, почти умиротворение.

Он кивает, прикуривает, а я замороженно наблюдаю за мерцающим красным огоньком в его руках.

Вечер безветренный, но дым медленно тянется в мою сторону, одеваает меня облаком.

- Извини, - и я обнаруживаю, что британский грудной голос может быть не только громким и тяжёлым, но и очень мягким и тихим. - Давай поменяемся местами? Тянет в твою сторону...

Мне показалось, или это «Тянет в твою сторону» действительно было двусмысленным?

- Давай, - соглашаюсь.

Мы меняемся и в процессе успеваем обменяться короткими взглядами. Очень короткими, но у меня возникает ощущение такого тончайшего восторга, когда ты с придыханием наблюдаешь таинство, совершаемое в церкви.

Он не курит. Этот парень точно не курильщик. Есть люди, способные складывать большие числа в уме, целиком запоминать поэмы, прочитав их лишь раз, а затем пересказывать, произнося слова задом наперёд, я же гениально различаю запахи. Это часто помогает в диагностике в те редкие случаи, когда меня подпускают к пациентам – до полноценной практики ещё очень далеко. Так вот, я могу безошибочно определить заядлого курильщика, и даже сделать предположение о том, курит ли он травку, Мальборо или тонкие с ментолом. И вот там, в автобусе, рядом со мной сидел парень, который не курит. И сейчас в его руках нет пачки, а только одна сигарета. Может, перенервничал и решил снять стресс? Или же его сюда потянуло сквозняком, как дым в мою сторону?

Он чуть приподнимается на носках и искоса смотрит на меня. И я не выдерживаю: изо всех сил толкаю тяжёлый балконный слайд, но когда твои нервы на пределе, руки страдают слабостью. Не сразу, но очень скоро рядом с моей ладонью ложится большая мужская ладонь, и дверь легко отъезжает в сторону.

- Спасибо, - бормочу.

- Пожалуйста, - получаю спокойный ответ.

Переживательная волна прибывает к берегу Адити, благо подруга ещё не успела обзавестись перспективным кавалером. Краем глаза я вижу, что мой незнакомец тоже покидает балкон и

занимает позицию неподалёку от нас, всё время поглядывает в нашу сторону, причём так, будто слушает то, о чём мы говорим. Поэтому на вопрос Адити «Почему бы тебе с ним не замутить?» я отвечаю:

- Потому что терпеть не могу, когда лица мужского пола отрачивают волосы. Это уже не парень получается, а страшная девица.

Адити прыскает смехом, не стесняясь ржать во всю глотку, а я, проявив неосторожность, сталкиваюсь взглядом с обсуждаемым. Что странно, он не злится и даже не обижается, он улыбается.

Вот чудак! - думаю.

И тоже улыбаюсь. Невольно. Мне действительно не нравятся парни с каштановыми волосами, тем более, длинными. А зелёный цвет глаз - самый нелепый и некрасивый. Сам по себе. Но вот странное дело: смешавшись в одно, все эти нелюбимые оттенки человеческого облика произвели на свет весьма горячего парня. Горячее не бывает.

Глава 4. Озеро Сасамат

RAFFERTY - Sweet Thing

Озеро Сасамат не самое живописное из всего обилия и многообразия водоёмов, доступных жителям Большого Ванкувера, но определённо самое популярное у молодёжи. А всё благодаря поперечному канатному мостику и двум плавучим бетонным площадкам, сконструированным здесь для удобства любителей рыбной ловли, но достающимся им исключительно ранней весной и поздней осенью - вне купального сезона. Всё лето здесь оттягивается молодёжь.

- В воскресенье едем на Сасамат, - сообщает из ванной Адити, перепачканная зубной пастой.

- Нет. У меня дел полно: почитать хочу кое-что по ранней диагностике, да и к маме нужно съездить - в прошлое воскресенье были же на вечеринке. У тебя не одно, так другое...

- Во-первых, диагностику читать ещё рано, в ближайшие годы мы будем учить анатомию и фармакологию, а Красавчик спрашивал, придёшь ли ты!

- Какой ещё красавчик?

- Тот, что отвёз нас после вечеринки в кампус в прошлое воскресенье - британец.

К моим щекам приливает кровь...

- Ну-ну, не блисти так глазами, а то ослепну! - смеётся подруга.

- Не верь всему, что кажется!

- Кажется мне не это, а то, что твоей девственности придёт-таки долгожданный конец! Аллилуйя!

Не имея своей машины, мы с Адити, прибываем к месту сбора всей компании с опозданием в полтора часа: автобусы - крайне ненадёжное средство передвижения.

- С первой же зарплаты куплю себе машину, - злится Адити, вываливаясь из автобуса - её укачало.

- Для начала было бы неплохо устроиться хотя бы на одну работу, - замечаю ей.

- Отстань! - отмахивается.

Плавучие пирсы мы находим быстро - Адити здесь не в первый раз, в отличие от меня. Платформы битком набиты молодёжью, негде яблоку упасть. Кругом гремит музыка - один проигрыватель старается переиграть другой, не умолкает девичий смех и басистый хохот ребят. Те, кому не нашлось места на разогретом солнцем бетоне, плавают кто на чём: на розовых фламинго, единорогах, альпака и просто надувных бубликах или матрасах. Пиво периодически извлекается из-под понтона, упакованное в рыболовное сито, рдеет и прячется обратно - подальше от всевидящего ока полицейских, время от времени совершающих свои обходы с целью поимки отдыхающих, промысляющих незаконной ловлей рыбы, или молодёжи, злоупотребляющей горячительными напитками.

Я ишу среди счастливых загорелых лиц знакомые и не сразу, но нахожу: девушка с паклей вместо волос тут, её подруга Марина также, и философ Лейф.

- Вон наши, - тычет в их сторону рукой Адити, и я удивляюсь: когда это они успели стать «нашими»?

«Наши» между тем активно двигают попами, чтобы освободить клочок места и для нас с Адити. Подруга смело обнажает свои сексуальные формы, втиснутые в открытый белоснежный купальник, я же долго сражаюсь с нерешительностью, убеждая себя в том, что раздеться сейчас необходимо, иначе стёба не избежать. И если в восемнадцать я искренне не понимала, что же со мной не так, то теперь, в двадцать два, будущий врач и взрослая женщина чётко осознавали недостаток сексуальности как в физическом своём воплощении, так и в духовном. Мне казалось, что на фоне всех остальных девушек я выглядела невидимкой: худая, маленькая, сложенная правильно, но без бонусов.

- А где Кай? - озвучивает мой главный вопрос Адити.

- Уехали с Олсоном за пивом - жарко сегодня, чуть не рассчитали запасы, - тянется на солнце Марина. - Скоро должны вернуться, а что?

- Да ничего, - ведёт плечом Адити. - Просто заметила...

- Мы с Олсоном *вместе*, - напоминает Марина с нажимом на *вместе*. - Имей в виду!

А вот это уже было напрасно. Зная мою подругу, смазливый черноволосый Олсон, изрисованный татуировками, до этого момента не представлял для неё ни малейшего интереса, но вот теперь...

- Да без проблем! - усмехается Адити. - А Кай свободен?

Но к моему величайшему прискорбию ответить Марина не успевает, потому что самой тихой и незаметной фигурой коллектива всё же заинтересовались:

- Слушай, ты! Да, ты, чёрненькая! Ты из Бразилии?

- Нет, - отвечаю.

- А откуда?

- Отсюда.

- А чего такая чёрная?

- Такой родилась.

- Да ни фига она не чёрная! Броуди, отвали от неё, а? - вступается Адити.

- Да она мне на хрен не сдалась! Хотя... монахинь у меня ещё не было!

Общественность перекатывается сальными смешками, я заливаюсь краской и напрягаюсь.

- А ты из Бразилии? - Марина, кажется, впервые меня заметила.

- Мой отец из Бразилии. Я родилась здесь, - отвечаю ей.

- И мой из Бразилии, и я тоже родилась тут! Марина, - протягивает мне руку.

- Виктория... Но мы уже встречались.

- Встречались, но не знакомились. А это вот - моя подруга Дженна.

- Очень приятно, - мы жмём друг другу руки.

И Марина, поправляя свой невероятный сиреневый купальник, переключается на более ей интересное:

- Броуди, тебе нужно окунуться: смотри-ка, весь потом покрылся!

Ребята поддерживают её не самую смешную шутку смехом - если у тебя уже сложился авторитет, то он всегда работает на тебя.

- Это не пот! Это слёзы его внутренностей! - гремит уже знакомый бас с британским акцентом, и все головы устремляются в его направлении.

Если бы не голос, я ни за что не узнала бы Кая: в солнечных очках, красной бейсболке задом наперёд и футболке с канадским кленовым листом и отрезанными рукавами. Он сбрасывает с плеча большую и, судя по напряжённым мышцам его рук, тяжёлую сумку, её тут же передают Марине и она отдаёт приказ:

- Броуди, вынимай холодильник, пополнение прибыло!

Броуди подплывает к нам, вытягивает сетку с оставшимися банками и, передавая её Марине, неожиданно снова вспоминает обо мне:

- Слушай, а сколько тебе лет? Ты совершеннолетняя вообще?

- Да.

Сердце моё бьётся ускоренно, потому что внимание я не люблю.

- А по виду так лет тринадцать, не больше. И сиськи не выросли. А что за дебилный платок у тебя на шее? Ты религиозная фанатка или что?

- Ну как вода, Броуди? - внезапно интересуется Кай.

- Вода? О, чувак! Она, как и Британская Колумбия - прекрасна!

И прежде чем сам Броуди или кто-то из нас успевают что-либо понять, Кай резко опускается на край пирса и одним молниеносным, чётким движением ног переворачивает надувного фламинго вместе с Броуди, подняв при этом фонтан брызг и шквал воплей.

Общественность смеётся всласть и от души, но громче всех, кажется, я. И только когда один быстрый, осторожный, посланный не только искоса, но и из-за укрытия солнечных очков взгляд на мгновение упирается в мою действительно детскую фигуру, я понимаю, что весь этот цирк был устроен из-за меня.

Кай продолжает посмеиваться, всё ещё сидя на краю пирса и опасно наклонившись над водой, а мне хочется что есть мочи прокричать ему: «Вылезай! Он же тебя за собой утащит!». Я смотрю на взмахи рук плюющего ругательствами Броуди и мысленно с хрустом их вырываю. Мне кажется, моё маленькое сердце перестаёт биться в тот миг, когда плохой парень приближается к хорошему, но все мои переживания были напрасны: аттракцион не был окончен - он в самом разгаре.

Кай только выглядит неторопливым, на самом же деле он юркий, как ящерица. Полсекунды отделяет загребущие клешни Броуди от обидчика, но Кай резко вынимает ноги из воды и отпрыгивает на шаг назад. Не только наш островок, но и соседний загибается от смеха. Наполовину разозлённый, но отчего-то давящийся хохотом Броуди ударяет вертикально ладонью по воде, направляя даже не брызги, а натуральные струи в Кая, и, конечно же, окатывает всех нас водой. И что тут начинается! Настоящая вакханалия! Визг, смех, ругань и угрозы расправы, ныряющие в воду один за другим юные тела, фейерверк брызг и самый крутой драйв в моей жизни.

Angus & Julia Stone - Cellar Door

Спустя минуту Кай, довольный, мокрый и счастливо улыбающийся, остаётся на пирсе совершенно один... не считая меня. Он сбрасывает бейсболку, снимает очки, а дальше, мой мозг впадает в прострацию, наблюдая картину как в замедленной съёмке: его руки поднимаются кверху и медленно, не спеша стягивают тот кусок ткани, который остался от футболки после того, как ей отрезали рукава.

Адити сочиняет поэмы, описывая пресс своих бойфрендов, сравнивая его то с овощной тёркой, то с рябью волн на осеннем заливе. А я с первого взгляда влюбляюсь в подмышки. Да, вот именно так, за доли секунды, пока руки этого парня подняты, и я могу видеть змей ползущие непрерывные, витые линии мышц его рук, эстетически безупречно перетекающих в торс. Мне двадцать два, и я впервые в жизни смотрю на мужчину с сексуальным интересом.

Раздевшись, Кай предлагает:

- Пошли купаться?

И только теперь я замечаю, что его волосы стали короткими - он постригся, оставив длинной только задорно вьющуюся чёлку. На открытой теперь шее, чуть пониже уха, а вернее за ним, ползёт ящерица, удивительно точно совпадающая с оттенком его глаз.

- Я не умею плавать... - сознаюсь.

Его губы растягиваются ещё шире, он проводит рукой по лицу, зажимая рот так, словно хочет спрятать в кулак упрямую улыбку:

- В таком случае, у тебя есть повод взять пару уроков... у меня! В юности я подрабатывал инструктором на курсах красного креста, - сообщает с той же самой улыбкой, которую так и не смог спрятать.

Бейсболка и очки быстро возвращаются на своё место, футболка ложится на загорелое плечо, мой рюкзак залетает туда же, а ко мне протягивается самая уверенная и надёжная рука:

- Кай Керрфут!
- Виктория Мело, очень приятно.
- Пойдём на берег!
- На берег?
- На пляж - там учиться будем.

По дороге нам встречаются люди - взрослые супруги, дети, группы молодёжи, ещё не нашедшей места для отдыха, девочки подружки, разглядывающие и видящие в нас пару. И мне нравится выражение их глаз, но ещё больше - та твёрдость, с которой мои ноги ступают по земле, уверенность, с которой я смотрю на всех, кто идёт навстречу.

Причина, по которой моё восприятие мира сдвинулось в сторону нормальности, заключается в близости идущего рядом человека. Он улыбается, причём так, будто только что выиграл в лотерею. И парадоксальность происходящего в том, что мы не просто не успели друг друга узнать, а толком ещё даже не общались.

Это не просто ощущение комфорта от нахождения рядом, а состояние защищённости, целостности и неуязвимости по отношению ко всему прочему столь агрессивному миру. От зелёных счастливых взглядов, посланных искоса, из-за тёмных очков, поверх них или через них, в моих внутренностях надуваются и лопаются радужные пузыри, и мне всё время хочется улыбаться.

Я снова обращаю внимание на браслет на его запястье с индейской вышивкой-орнаментом, изображающим традиционные рисунки рыбы - символа едва ли не «всего» в наших краях.

- Что это? - спрашиваю
- Это - сложный и полный трагизма цикл жизни лосося. Рождение, путешествие в большую воду, продолжение рода - нерест, и последующая смерть.
- Странно.
- Что странно?
- То, что ты его носишь. Ты ведь не индеец?
- Нет. Но согласишься, есть нечто глубоко сакральное в жизни этих рыб, и первые люди относились к нему соответствующе. Этот браслет подарил мне индеец, никогда не покидающий пределов своей резервации. Он был уверен, что меня ждёт сложная и насыщенная жизнь.

Я поднимаю брови, улыбаясь и не зная, что делать, верить или нет, а Кай добавляет:

- Он сказал, что я познаю всё, что может познать земной мужчина, и мой круг замкнётся: большая любовь, большая боль, большая жертва, мудрая любовь. «Мудрая любовь вернёт тебе самое ценное» - так он сказал и повязал на мою руку этот браслет. С тех пор я его не снимаю - боюсь упустить удачу, - улыбается так широко, что я понимаю: он во всё это верит.

Angus & Julia Stone - Oakwood

Мы добираемся до пляжа, находим свободное место на песке, складываем вещи и заходим в воду: я по грудь, а Кай, стоящий рядом - по пояс.

- Ну давай... - поощряет меня он.
- Что давать?
- Ложись на живот и пробуй держаться.
- Лечь могу, но как держаться?
- Сделай большой вдох вот так, - он набирает своей необъятной грудью воздух, - и удержи дыхание. Будешь как поплавок!

Я делаю, что он сказал, и опускаюсь в воду, действительно держусь какое-то время. Но вскоре лёгкие требуют обновить порцию воздуха: я успеваю выдохнуть, но не вдохнуть, и иду ко дну.

Вернее, только собираюсь тонуть, как вдруг чужая ладонь прижимается к моему животу и удерживает на плаву.

Мне не видно его лица - либо темнота, либо ослепляющая яркость июльского солнца, и я перестаю дышать, переживая одно из самых ярких мгновений в своей жизни. Это была вспышка, такая же, какие бывают на солнце, и ты горишь в ней, но никогда не сгораешь, потому что это не смерть, а жизнь, самая реальная.

Знал ли он, нежно трогая мою кожу своими пальцами, что мужчина касается меня впервые? Что ни разу не целованная, скорее зажатая, чем осторожная, девица впервые подпустила к себе парня и выбрала именно его? Был ли её выбор случайностью, был ли его? Спустя время он признается, что почувствовал тогда нечто особенное, но не мог и предположить, во что, в итоге, всё выльется.

А в моей памяти навсегда останутся волшебством вода и кожа, игра в случайность прикосновений, магнетизм ищущих друг друга взглядов; резкость и непривычность линий чужого тела, его массивность и потенциальная опасность, растворенная в плавности и аккуратности движений, инвазия его запахов; ясность и глубина зелени, выдавливающей из сознания осторожность, оставляющая тебя один на один с влечением.

Кай всё время улыбался, и капли воды на его губах, казались горящими на солнце алмазами. Иногда он вспоминал о своей миссии, и, словно очнувшись, принимался много говорить, объясняя принципы удержания тела на поверхности воды, но слов его я не слышала, только голос. Его британский говор и выдаваемый связками тембр всё сильнее погружали в гипноз.

Плавать я училась из рук вон плохо, но не потому что неумеха, а потому что инструктор мне очень нравился и не давал возможности сосредоточиться на процессе:

- Ты безнадежна! - со смехом подытожил Кай.

Когда мы вернулись к ребятам, я больше не чувствовала себя неудобно, не на своём месте. Моя фигура каким-то чудесным образом обрела свою ячейку в этом дне, в этой компании, в общем фоне веселья.

Чуть позже к нам подплыла семья гусей - парочка родителей и четверо уже немного подросших гусят. Девчонки, само собой, запищали своими материнскими инстинктами и принялись кормить семейство оставшимися от давно съеденной пиццы корками. Наевшись и потеряв бдительность, семейство направилось в центр озера, и на наших глазах идиллия едва ли не завершилась трагедией, потому что над гусятами закружил орлан. От стаи отбилась гусёнок - верная жертва. Родители зажали между собой оставшихся, но не уплывали к берегу, не решаясь оставить одного из своих детей. Я и раньше видела, как орланы крадут утят или гусят - это обычное дело весной и летом во всех парках, где есть озёра, и сейчас приготовилась к тому же.

Девушки вокруг меня начали вставать, охая, причитая, кто-то уже плакал. Парни свистели, кричали, в надежде отпугнуть орлана, но тот, устрашающе расправив свои чёрные крылья, никуда не улетал, совершая всё новые и новые витки - попытки выхватить гусёнка из воды. Но малыш оказался настоящим борцом: точно рассчитав время, он нырял под воду всякий раз, как когти хищника оказывались в смертельно опасной с ним близости. Эта жуткая сцена превратилась в представление, концом которого могла быть только неизбежная смерть. Все знали: гусёнок либо выбьется из сил, либо ошибётся, а у величественно красивого орлана сил ещё очень много, как и опыта. Осознавая это, мы все притихли, застыв от понимания жестокости жизни и неизбежности разворачиваемой на наших глазах одной маленькой гусиной трагедии.

Внезапно из нашей толпы вылетел камень, спустя время ещё один и ещё и ещё. Орлан издал разрезающий воздух пронзительный крик и, сойдя с привычной гусиной траектории, совершил один большой круг над озером и уселся на самой высокой ели.

Только по возгласам и восторгам окружавших меня людей я поняла, что камни бросали Кай с Олсоном: пока остальные сочувствовали гусиной семье и ругали орлана, эти двое смотались на берег, набрали в футболку камней и отбили гусёнка. Кем был тот единственный, кому могла принадлежать своевременная идея действовать, а не смотреть, не вызывало сомнений.

Глава 5. Первый раз

Mr.Kitty - After Dark

Традиция занимать воскресенья новой компанией продолжалась: на этот раз снова вечеринка и снова в просторной квартире в Китсилано, той самой, у которой есть чудесная терраса с видом на залив и западный Ванкувер.

На этот раз я даже не стала сопротивляться – согласилась сразу же, как Адити, подмигнув, озвучила наши планы на выходные. В прошлое воскресенье Кай снова отвёз нас домой, и его забота не давала подруге покоя:

- Он точно делает это не для меня, я такие вещи на лету схватываю, а так как нас всего две – остаёшься ты! – подмигивает. – Все мои индикаторы пищат: сегодня Викки распрощается с девственностью!

Тот вечер не задался с самого начала: вечеринка, на которую мы прибыли, как водится, с опозданием, оказалась устроенной не просто так, а по случаю Дня Рождения. И не кого-нибудь, а Кая. А мы без подарка...

Зато все остальные о них позаботились вовремя и от души: Кай только и успевал принимать поздравления и относить блестящие коробки с бантами в одну определённую комнату, в которой я сразу же заподозрила его собственную. Оставалось только выяснить, с кем ещё он живёт в этой квартире.

Адити, совершенно не рефлексируя по поводу нашего конфуза с подарками, сразу заинтересовалась парнем по имени Олсон. Олсон довольно быстро заинтересовался Адити в ответ. Пока ими обоими не заинтересовалась горлопанистая Марина.

Марина... Самая красивая из всех присутствующих: высокая, грациозная, идеально сложенная, обладательница безупречных черт лица и длинных волос. Она была не феей, она была королевой, уверенно носящей свою корону. Марина отлично знала, что красива и что её тело - услада для глаз всех присутствующих парней, да и девушек тоже – ею невозможно было не любоваться. Я следила за глазами Кая, уверенная, что он технически просто не может не быть в неё влюблён. И он смотрел на неё, когда слушал, что она говорит, и только.

Марина была правильной со всех точек зрения личностью. Она жила понятиями, не терпящими полутонов: если друзья, то не важно, кто они - друзья всегда правы и их интересы в приоритете. Даже тогда, когда не правы. А если сталкивались интересы двоих, она принимала сторону того, кто в её рангах стоял выше.

Дженна же всегда держалась особняком и для меня оставалась навечно тёмной лошадкой. В тот вечер она сидела рядом с Каем вполоборота, всем своим видом показывая полную свою к нему расположенность. За всё время, что я наблюдала их вместе, она ни разу не совершила ни единого интимного жеста, только однажды легонько прикоснулась пальцами к его плечу, ища опору во время заливистого смеха. Я подумала, что если бы они были «вместе», то она непременно проявила бы это. Хоть как-нибудь. Но нет.

- А что у Кая с Дженной? – спрашивает Адити у черноволосой красавицы Марины, улучив момент.

- Ничего. Наклёвывалось вроде что-то пару лет назад, но... не срослось.

- Пару лет назад?

- Да, они давно дружат. Самая крепкая дружба между мужчиной и женщиной на моей памяти, - подмигивает.

НИЧЕГО. Между ними ничего – так эти двое вошли в мою жизнь, почти одновременно.

В тот момент я и не подозреваю, что мы всё же дойдём до точки, где НИЧТО перерастёт спустя годы в НЕЧТО.

От недостатка девичьего интереса Кай определённо не страдал – к нему всё время подплывала какая-нибудь нимфа, и пусть не интимными, но очень близкими к этому понятию жестами сообщала о своей заинтересованности. Но он не отвечал и, казалось, был равнодушен, всем своим видом говоря «Да знаю я всё!». Какое-то исконно женское чутьё сообщило мне, что ни одна из них не представляет для меня конкуренции, а вот та, которая ни разу не прикоснулась, вызывает ощущение *принадлежности*. Эти двое ни разу не совершили ничего такого, что заставило бы заподозрить их в связи, но у меня имелось стойкое ощущение, что он «её». Там же, на месте, я попыталась прочесть их невербальные жесты, мимику, то, как они обращались друг к другу, искала скрытый подтекст в словах, репликах, но так ничего и не нашла.

Увидев меня, Дженна, в отличие от своей подруги Марины, даже не изобразила стандартной улыбкой холодное приветствие – просто отвернулась и, уложив свою ладонь Каю на плечо, начала что-то долго вещать ему на ухо, вынуждая склониться так, что это выглядело, словно он к ней льнёт. Мне стало ясно, что Дженна в противоположность своей подруги Марине предпочитает невербальную коммуникацию, и сообщение её гласит: «Этот парень мой, не подходи!».

Позднее я много размышляла о том вечере, а вернее, о причинах, которые сподвигли меня на

поступок, совершенно не вписывающийся ни в мои рамки, ни в нормы моего поведения, ни в моральные устои, ни в принципы, ни вообще хоть как-то, хоть каким-нибудь боком в меня. И со временем поняла: действительно, в тот вечер была провокация, на которую я попала, но имела ли она определяющую роль? В любом случае, карты легли не совсем так, как задумывал шулер.

Я до сих пор не знаю, что именно в тот момент стало решающим: алкоголь, острое нежелание умереть старой девой, тот факт, что малознакомый парень постриг свои волосы из-за моего высказывания, чудесный день на озере или контрольный удар в виде ладони девушки-пакли на его плече, но я решила.

- На вот, прими и расслабься. И действуй уже, а то видишь вон, конкуренты не спят! – злобно проорчала мне на ухо Адити.

Неопытной, мне хватило одного бокала. Не то, чтобы развезло, но адекватность была уничтожена, что, в принципе, и преследовалось.

Невзирая на то, что Марине удалось отбить своего черногривого Олсона, Адити не пала духом, поскольку никогда и нигде ещё не пропадала: нехватки внимания на её женскую долю не случилось, вот и на этот раз для неё очень скоро нашёлся подходящий кавалер. И только я буравила взглядом профиль парня, усердно занятого обсуждением с друзьями чего-то настолько занимательного, что он совершенно забыл обо мне. Чудесного дня на озере Сасамат как будто никогда и не было.

- Это твой шанс, подруга. Сегодня или никогда, – подначивает Адити. Но я и без неё отлично оцениваю свои перспективы. Именно это и говорю себе, выходя на террасу: «сегодня или никогда».

Кай появляется почти сразу, практически следом распахивает дверь и становится за моей спиной. Я не вижу его, но чувствую и знаю, что это он.

- У тебя красивый голос, - говорю.

Он молчит, и на короткое время я даже успеваю усомниться в собственном умении видеть и узнавать людей спиной, но в тот момент, когда уже готова обернуться, его голос мощью своих вибраций заставляет мои глаза закрыться:

- Нравится – забирай себе, - произносит у самого моего уха.

- Пойдём в твою комнату? – предлагаю ему.

Pablo Nouvelle feat. Lulu James - All I Need

Он не удивился, не оторопел. Немного замешкался – да, но не более того.

- Пошли.

Толпы полупьяных, полуобкуренных гостей делают короткий путь из гостиной в спальню долгим и даже выматывающим. За то время, пока мы продираемся сквозь руки, фразы, просьбы, обращённые к имениннику, я успеваю разогнаться до нервозности, стремительно приближающейся к срыву. Даже алкоголь не помогает. Хотя спиртное само по себе большой для меня риск: с одной стороны, расслабляет, с другой, значительно повышает неадекватность.

Как только дверь комнаты за нами закрывается, погрузив в темноту, я слышу звук проворачиваемого в замке ключа, и последний щелчок заставляет всем телом вздрогнуть. Ощущая движение, и через короткое время загорается ночник: довольно длинная, но недостаточно широкая для двоих кровать завалена подарочными коробками, пакетами, обёрточной бумагой уже распакованных презентов. Кай некоторое время смотрит на них, затем загребаёт обеими руками почти всё, что лежало, и на мгновение исчезает в гардеробной. Возвращается с вопросом:

- Со светом или в темноте?

В это мгновение в моих ушах уже не так громко звенит, потому что тривиальная уборка ослабила напряжение, и я успеваю не только столкнуться с его взглядом, но и частично его прочитать. Он смотрит на меня с тенью разочарования, будто до этого принимал за кого-то другого, и только теперь выяснил, что обознался.

- В темноте.

Кай протягивает руку к ночнику, и свет гаснет. За ту секунду, которая ему потребовалась, чтобы сделать это, я успеваю заметить наполненные гелием пластиковые сердца, плавающие над его столом и прилепленные скотчем к монитору компьютера.

Внезапно меня одолевает острое желание сбежать. Прекратить всё. Мне плевать на самооценку и на собственный ежедневно дорабатываемый план социализации, меня тошнит от самого факта, что я заставляю себя делать это - я не выношу людей, и как бы тщательно меня не учили маскироваться, правда навсегда останется правдой - я их не выношу. Много лет после этой ночи я буду сожалеть о том, что не ушла, а потом... настанет момент прозрения, когда пойму, что именно в ту ночь ошибки не было.

Глаза постепенно привыкают к темноте: Кай уже лежит поперёк кровати, свесив ноги. Кисти его рук расслаблены и лежат ладонями кверху на расстеленном под ним тёмном плёде. Моей решительности хватило только на то, чтобы позвать его сюда, но на большее... я даже не знаю, чем именно должно быть это большее, с чего начать? С какой стороны подойти к этому огромному чужому телу?

Он будто слышит мои мысли и зовёт:

- Иди сюда.

Голос его настолько тихий и мягкий, даже в какой-то степени ласковый, что ранее увиденное в его глазах разочарование нивелируется: я его выбрала, и я ему доверяю. Доверяю, но при этом не могу унять тремор во всём теле, хоть и залила его изрядной порцией алкоголя. Моё сердце не бьётся, нет, оно как промышленный насос качает кровь. Каким-то чудом нахожу в себе силы сделать шаг к парню, но, очевидно, слишком нерешительный, потому что он поднимается, оставшись сидеть на кровати, и привлекает руками к себе. В таком положении - он сидя, я стоя - мы оказываемся почти одного роста. Почти.

Он пахнет колой и ромом, мужской туалетной водой и ещё чем-то, что заставляет мои глаза закрыться. Температура его тела, по ощущениям, градусов на пять выше моей, и воздух, выдыхаемый его лёгкими, обжигает декольте моей блузки. Кай притягивает меня ещё ближе и оборачивает в свои большие руки, сомкнув их за моей спиной.

И это происходит. Впервые в моей жизни. настолько неожиданно и легко, что в какой-то момент я решаю, что сплю - ведь подобное возможно только во сне. Много лет множество различных специалистов учили меня управлять «этим», ослаблять натяжение внутренних струн, правильно дышать и уводить собственные мысли в «безопасную зону», но сейчас ничего из этого мне не нужно: я даже не плаваю, я легко парю на волне схлынувших страхов, натянутости и напряжения.

Кай кладёт на мой затылок ладонь, несильно прижав пальцы к шее, и я понимаю, что моё учатившееся дыхание не связано с нервозностью - это нечто совсем другое. Он меняет положение руки и, прижав пальцы к моим выпирающим позвонкам, медленно проводит ею до самой поясницы. Из точки, расположенной в нижней части моего тела, будто разливается сладкая тёплая жидкость, попадает в вены и несётся вместе с кровью к мозгу... к сердцу.

Ощущения, которые я испытываю, возвращают страх, но к нему теперь добавилось нечто новое - предвкушение. Я жду, что происходящее станет самым большим открытием за прожитые двадцать два года и принесёт мне радость.

Наконец, я чувствую губами его дыхание и замираю. Первое прикосновение оказывается невесомым, но далеко не робким, затем его губы обнимают мои, прижимаются плотнее, я чувствую, как он один раз проводит по ним языком, будто пробует меня на вкус. Я стараюсь не думать, не судить, не взвешивать и не размышлять, а главное - отвечать. Раскрываю свой рот широко, впуская его, скольжу губами по его губам, повторяя его движения. И не забываю, что это - первый поцелуй в моей жизни, хоть и не такой, каким я себе его представляла. Не было в моём воображении алкогольного опьянения, полумрака, скрывающего мой стыд и его разочарование, не было гремющей музыки за дверью и смеха посторонних, совершенно не нужных в этот момент людей. Не было разрываемой фольги презерватива и обжигающей боли.

Боль... Она не относилась к тому типу, от которого теряют сознание, но мне было хорошо известно, что и её можно было свести к минимуму, если бы кто-нибудь поставил перед собой такую цель. Если бы всё это имело шанс случиться по-другому.

Но всё произошло именно в тот раз и в том месте, именно так, как произошло, а не иначе, и на моё счастье женский мозг запрограммирован забывать и боль, и стыд и даже унижение, поэтому большую часть той ночи моя память не сохранила.

Я только помню, как он сказал:

- Господи, какая же ты... тебе не больно?

- Нет...

Я впервые впустила мужчину в своё тело. Первый раз в жизни. Мне не было страшно, когда его

пальцы трогали меня в местах, где никто до него не прикасался. Не было страшно, когда его руки раздвигали мои бёдра. Было стыдно за собственную глупость и до слёз обидно за неё же, когда он совершал своё первое движение, и я, стиснув зубы, старалась не закричать.

Глава 6. Утро

IAMX - 'Happiness'

Утро после первого в моей жизни секса наступает не радужно. Будят не поцелуи и жаркий шёпот ненасытного любовника, а сильная головная боль и переполненный мочевой пузырь. Никаких сплетённых рук и ног, объятий, лепестков роз и прочей воображаемой фигни. Мой первый сексуальный партнёр совершенно независимо от меня лежит на спине, запрокинув одну руку за голову, вторую уложив на собственный живот, и спит.

Мой трезвый разум признаёт три вещи:

Этот парень по-настоящему красив.

Невероятно не столько то, что я оказалась способна с ним переспать, сколько то, что уснула на чужой территории.

3. Я, не переставая, живу в иллюзиях, и мне жизненно необходимо избавляться от них, а не от девственности.

Стараясь быть тихой, сползаю с постели и прихожу в ужас - мои бёдра перепачканы кровью так, словно я пережила не эпизод дефлорации, а полостную операцию. Лихорадочно ищу свои джинсы, нахожу и натягиваю так быстро, как могу - только бы скрыть этот кошмар. Но Кай, очевидно, успевает открыть глаза «вовремя», потому что в следующее же мгновение одеяло резко сдёрнуто с кровати, явив ужасающую картину. Нет, на постели нет пятен спермы, обнаружить которые я так страшусь - она осталась в заброшенном им в угол презервативе. Всё гораздо хуже: на серой простыне с сердечками и надписью «С днём рождения!», которую я смогла разобрать только теперь, даже не гордо алеет, а уродливо «пятнает» моя засохшая за ночь, а потому изменившая свой цвет на коричневый кровь. Я в ужасе от того, как её много, хоть и знаю, что в моём передержанном случае такое возможно - после двадцати двух лет дефлорация болезненна и может сопровождаться обильными кровотечениями.

- Дерьмо... - это и было первым, что он сказал.

Вторым было:

- Неожиданно... Не думал, что ты любишь экстрим. У тебя женские дни? Нужно было предупредить. Без обид, но я не любитель извращений...

Он осекается, а я натягиваю остатки своей одежды с суперскоростью и одним только желанием - бежать. Не имея сил даже взглянуть в его глаза своими, стремительно теряющими фокус то ли от обиды, то ли от стыда, я умудряюсь всё же пролепетать:

- Извини.

И зачем-то:

- Пока.

Как будто после этого кто-то хотел бы меня снова увидеть.

Но, уже толкая дверь его комнаты, я слышу хриплое и злое:

- Стой!

Это «стой» придаёт мне ещё больше ускорения, и я вылетаю в гостиную, где вчера гремела вечеринка: на диване спит Лейф, сквозь открытую в другую спальню дверь виден лежащий на животе и укутанный в простынь Олсон. Больше я не успеваю ничего заметить, потому что бегу к входной двери, моля Бога, чтобы она не оказалась закрытой, но вполне чётко умудряюсь услышать:

- А я тебе говорила! - Марина.

- И что? Он и эту выгнал. Которую уже по счету?

За дверью на мгновение останавливаюсь, чтобы собраться с мыслями, перевести дух и проверить, застёгнута ли на мне одежда. Успеваю даже саркастически усмехнуться и вынести вердикт: «А

разве не это было планом? Секс без обязательств... Всё вполне гладко прошло, парень даже позаботился о предохранении, ну подумаешь, выгнал...».

Но он не выгонял.

Дверь распаивается от удара: Кай, зажав в районе паха обёрнутую вокруг бёдер простынь, с самым обескураженным выражением лица, на которое вообще способен мужчина, упирается в меня взглядом и от неожиданности теряется сам.

На мгновение.

Потому что доли секунды спустя мое правое плечо до боли сжато его свободной рукой, и он орёт в мое лицо, заставляя зажмуриться:

- Я пошутил, ясно! Тупо пошутил! По-идиотски пошутил! У тебя что, не бывает тупых шу...

Он не успевает доорать свой гнев, потому что я визжу, и визжу пронзительно: боли, ночной физической и утренней душевной, требовался выход. Он замирает, от неожиданности ослабляет хватку, и я выскальзываю, чтобы окончательно сбежать.

В тот эпически провальный момент моей жизни мне было искренне наплевать на того, кто постелил на его кровать ту простынь - ясно же, не сам этот парень страдал сентиментальной любовью к собственным именинам.

А Кай, для которого тот момент оказался не менее провальным, и не менее эпически, возымел на всю оставшуюся жизнь психологическую травму, вылившуюся в сексуальное извращение. Но о нём позже.

Глава 7. Глупые шутки

WhataDayLondonGrammar

В двадцать два у меня ещё не было мобильного телефона. Ну вот так, у всех уже был, а у меня ещё нет. Вещь дорогая, а звонить мне особо некому, матери только или Адити. В общем, в планах телефон был, но до дела они не доходили.

- Вик, это консьерж... там в холле кто-то тебя хочет! - голос Адити вынимает меня из глубинной депрессии, сожалений и жалости к себе.

Я лежу на своей кровати у окна, свернувшись калачиком и укрывшись с головой большим одеялом, рядом стоит Адити и протягивает мне свой сотовый. Внезапно в её глазах проявляется понимание:

- Ааа... это твоё воскресное недоразумение... наверное. Ну, ясно.

И в трубку:

- Её нет, она уехала и вернётся не скоро. Что значит, видел утром?! Утром ещё была, потом уехала. Куда-куда, к тётке в Калгари!

От неожиданности я отрываю тяжёлую голову от подушки, сажусь на кровати и отмечаю, что мир ничуть не изменился: пока я рефлексирую по поводу своего фиаско, Адити всё так же прекрасна, активна и изобретательна. Ночные приключения чуть подпортили её макияж и укладку, но в целом она выглядит вполне жизнерадостной и довольной судьбой. В отличие от меня.

- Что он сделал? - первый же вопрос.

- Ничего. Он тут ни при чём.

- Нет уж, извини! Если я участвую в этой мелодраме, то, по крайней мере, имею право знать состав преступления!

- Он ничего не сделал...

- Совсем ничего? - и тут нужно отметить её искреннее удивление: Адити ожидала от британца чего угодно, но только не бездействия.

- Сделал, что должен был, и я ушла. Тема закрыта, Адити.

Подруга мягко приземляется на край моей кровати:

- Ты знаешь, в первый раз редко кто получает удовольствие...

- Да не в этом дело!

- А в чём?

Адити не глупая девушка, и это - одна из причин её эксклюзивного билета в зону моего поражения:

- Боже... только не говори, что ждала от него предложения руки и сердца!

Я пытаюсь ответить, но... не могу - в горле ком, и все силы уходят на то, чтобы проглотить его без осложнений.

- Ну ясно... - констатирует бывалый, не скрывая разочарования. - Я думала, ты умнее. Признаться, я удивлена, что он вообще сюда прискакал. Чего хочет?

- Мне откуда знать?!

- Ну-ну... - кивает и подходит к окну. - Да, это он, твой двухметровый британец. Стоит, подпирает свой Бьюик, тоже мне... принц на хромом коне!

Затем с чувством добавляет:

- Красавчик! Причём во всех смыслах: и девку самую упёртую уложил и лицо не теряет. Ну а внешне так и вообще: реально КРАСАВЧИК! Ну ладно, пойду узнаю, чего он хочет.

- Не смей!

И тут же выкручиваюсь:

- Я же уехала! Он поймёт, что ты соврала!

- Ох, детка... тебе точно двадцать два? Он и так знает, что куда ты не уезжала, и стоит на самом видном месте как раз потому, что уверен - ты его видишь.

- Не вижу.

- Я сейчас выйду, и ставлю триста баксов, что ты подскочишь к окну!

Баксы свои она не заработала, потому что к окну я не подскочила... а тихо и незаметно подкралась: ОН, действительно, стоял, подпирая поясницей машину, ту же самую, на которой подвозил нас пару недель назад.

Адити подошла к нему, взглянула на наше окно, но, не обнаружив в нём меня, сосредоточилась на Кае. Говорили они недолго, и выяснить ей удалось только очевидное:

- Он сказал, что обидел, но не уточнил, как. Так ты расскажешь или нет?

И я рассказала. Как будущий медик будущему медику. Как женщина женщине.

- Ты предложила ему секс?!

- Да. А разве не ты говорила, что...

- Чёрт, Викки! Я шутила! Нет, ну... чёрт, чёрт, чёрт! - она вскакивает с моей кровати, прижимая свои красивые пальцы к глазам, и качает головой.

Я тоже поднимаюсь и держу себя руками, чтобы не распадаться на атомы. Отдышавшись, Адити кладёт руку на мою поясницу:

- Не переживай, всё образуется. Смотри вон, под окнами же стоит... ждёт тебя. Значит, всё так и должно было быть.

- Что я сделала не так?

- Понимаешь, Вик... Секс на один раз - это самая крутая вещь на свете, но он - не всегда то, что нужно в данную минуту, и не то, что приемлемо с каждым. Вот Олсон, он на один раз, понимаешь? А Кай... нет, ну и он тоже вполне пригоден для одного раза, но... он другой и ищет другого, это же видно!

- Как?

- В его глазах.

Я сжимаю голову руками. Сдавливаю её изо всех сил и ненавижу. Ненавижу за тысячи или миллионы грёбанных лишних нейронных связей, мешающих мне видеть то, что видят другие, не дающих полноценно жить среди них.

- Этот парень... интересный. Даже мне он интересен не на один раз, жаль только нищий. Смотри на его Бьюик, смех один. Чем на таком корыте, лучше уж пешком!

- Или на автобусе...

Адити смеётся, и я невольно улыбаюсь, потому что машина у него, действительно, страшенькая. Внезапно обнаруживаю, как всё-таки важны в жизни другие люди. Одиночество – не самая правильная форма существования.

Кай ещё долго не уезжал и теперь он точно знал, где наше окно, поэтому смотреть в него могла только Адити, я же – лишь осторожно поглядывать.

В груди громыхало, душа рыдала, а он всё стоял. И пока стоял, я не спала – уснёшь тут, как же. Уехал в четверть первого ночи, и Адити, способная держать руку на пульсе даже сквозь сон, поинтересовалась:

- Уехал?

- Да.

- Ему на работу к пяти утра. Он на стройке вкальвует.

- Ты откуда знаешь?

- Он живёт в одной квартире с другими ребятами: Олсоном, Лейфом, Мариной и Дженной. Я у Олсона спросила.

- Надо же, прямо как в сериале «Друзья».

- Так и есть, все они – его друзья.

Вечером, около семи, Кай приехал опять. И я снова не вышла. Не из вредности: просто... мне ещё слишком тяжело. На этот раз он не стоял, подперев машину, а был в ней.

- Он спит, – констатировала Адити, внимательно изучившая Бьюик через свой мини-бинокль. – Наверное, на стройке работать не то, что девок невинности лишать...

- Ладно тебе, не язви.

- Уже защищаешь? Ну-ну...

На следующий день он придумал кое-что получше: заявился в приёмную клиники своей матери. Думаю, мне сразу понравился его взгляд – слишком серьёзный.

- У Вас снова симптомы? – не менее серьёзно вопрошаю я, не отрывая глаз от своего компьютера.

Он не отвечает. Просто стоит и ждёт, пока не посмотрю ему в глаза. Долго. И это напрочь выбивает из колеи, настолько, что я теряю уверенность в правильности выбранной стратегии.

Я не вредничаю, просто всё это вместе – озеро, его руки на мне, ночь, боль, унижение и его упорное нежелание оставить меня в покое, особенно последнее – это слишком для меня. Это слишком много для человека, который с рождения варился сам в себе и своём мире, где других людей кроме него почти не было.

Неожиданно на помощь приходит его мать:

- Кай?! – её удивлению нет предела. – Что ты здесь делаешь, сынок?

- Я на минуту, – бросает мне и направляется к матери, берёт её за локоть, приняв перед этим традиционный, по-видимому, поцелуй в щёку, и уводит. Как только они скрываются в её кабинете, я бегу к напарнице Сонате, раскладывающей лекарства для сегодняшних пациентов:

- Соната! Передай, пожалуйста, миссис Керрфут, что у меня внезапно начались критические дни, я ужасно себя чувствую и уйду домой!

- Ладно... – выпучивает глаза Соната. – Таблетку Адвила дать?

- Я уже приняла, спасибо.

Терять эту работу пришлось бы в любом случае, так что, какая разница, когда? Отец хоть и давно умер, но в средствах мы с матерью никогда не нуждались – он позаботился обо всём заранее. И, выбирая профессию, финансовый аспект обучения я не принимала во внимание – и это тоже было улажено отцом заранее – у меня имеется массивный Образовательный План по государственной

программе. Поэтому работаю я по большей части из принципа. В кампусе живу тоже из принципа, но только не моего – мать так решила. Собственно, именно благодаря этому её решению у меня и появился первый в жизни и единственный друг – Адити.

На остановку не бегу, знаю уже: парень по имени Кай достаточно прыток, чтобы просчитать, где именно меня искать. А учитывая частоту, с которой ходят наши автобусы, шансы быть пойманной на остановке внушительны.

Но всё это было лишь глупым оттягиванием неизбежного. Вечером его машина не появилась на нашей парковке, и я решила заглушить раздрай в душе бегом. Он поймал меня сразу же, как выскочила из парадного: легко схватил в охапку и поволок за угол – подальше от глаз консьержа. Я не кричала – знала, чьи это руки. Даже слишком хорошо знала их.

Он поставил меня на скамейку, чтобы наши лица находились на одном уровне, и он мог бы беспрепятственно смотреть мне в глаза.

И снова этот взгляд, от которого я чувствую себя кроликом. Я не знаю, как он это делает, но отвернуться не могу, смотрю в его изумрудную зелень и позволяю копаться в себе, а он, кажется, уже всю меня изрыл, что ищет только, не ясно.

- Почему ты выбрала *для этого* меня? – наконец спрашивает.

Глаза в глаза, и в голосе нет ни злости, ни злорадства, ни жестокости, которых я так боюсь. Нет враждебности. Есть мягкость и желание... быть понятым?

- Есть более подходящие кандидаты? – отвечаю.

Он выдыхает. И только теперь отводит глаза. А я вдруг понимаю, что дрожу.

Он молчит, а я говорю сама себе за него: «Я рассчитывал на нечто большее между нами, а ты своей выходкой всё испортила». И сама же ему отвечаю «Я не пригодна для чего-то большего. Мой текущий терапевт считает, что мне нельзя заводить отношений. Я просто хотела узнать, что чувствуют люди во время секса». И он спрашивает дальше: «Узнала?».

- Если бы ты предупредила... всё это было бы по-другому. Совершенно иначе, понимаешь?

Я молчу, потому что теперь в горле ком и после разговора с Адити понимание, что виноват не он, а я... И отреагировал он так и только так, как мог нормальный парень – разочарованием, потому что понравившаяся девушка оказалась даже не легко доступной, а безнравственной. Потому что не ждёт и не ценит его желания прежде завоевать её. Что она – как все те, кого он выгнал.

Внезапно Кай поднимает голову, и я вслед за ним тоже. Снова глаза в глаза:

- Прости меня за слова, которые я тебе сказал.

Я киваю. Он некоторое время молчит, затем выпаливает:

- Переезжай ко мне?

Я тоже беру время на «помолчать». Затем делаю предположение:

- Ты ненормальный?

- Моя мать – венеролог, я в принципе не могу быть нормальным! – смеется. - Переезжай!

- Зачем мне это?

- Говорят у меня красивые глаза – изумрудные!

- Ну, с оттенком я бы поспорила. Как медик могу отметить, что цвет твоих глаз идентичен цвету застоя желчи в соответствующем пузыре.

- Мне говорили, что девочки с медицинского не понимают романтику, но я подумать не мог, что настолько...

Он всё ещё улыбается, а я думаю: не глаза твои пленяют, Кай, и даже не твой божественный голос, а что-то спрятанное глубоко внутри тебя. Что-то первобытно мужское, мощное, и чему я пока не нашла определения. Но обязательно когда-нибудь найду.

Его взгляд как будто становится мягче, и в это мгновение я испытываю настолько мощное облегчение, состояние невесомости, почти эйфорию, что мне хочется обернуться в него, как в шаль, укутаться, и не отдавать никому. Кай, очевидно, всё это видит в моих глазах, на моём лице,

чувствует или считывает - не важно, поэтому говорит фразу, решившую всё за меня:

- Я очень долго искал тебя.

Мне требуется время, чтобы сформулировать и произнести свой вопрос:

- Меня?

- Тебя.

Пытаюсь дышать, а он, облизав губы, продолжает:

- Я знаю, что с тобой нужно как-то по-другому, но пока ещё не понимаю, как... Приеду завтра, заберу тебя с работы и поедем ко мне - на одну ночь. Я не прикоснусь, обещаю. Слово даю. Мы просто проживём ночь вместе, и ты решишь, захочешь ли остаться ещё на одну. Идёт?

Теперь мой мозг включился, работа кипит: жить с незнакомцем я не хочу, он совершенно чужой мне человек; квартира, где я пережила самое большое потрясение в своей жизни, вызывает отвращение и отторжение; ребята Лейф, Олсон и Марина - это новые чужие люди, и уже одно это для меня пытка; но есть Дженна и её фраза «Он и эту выгнал. Которую уже по счету?».

- Идёт, - киваю.

Кай кладёт руки на мою талию и мягко снимает со скамейки:

- Уже поздно бегать. Иди домой, - мягко подталкивает в спину к крыльцу парадного. И я, как загипнотизированный кролик, послушно двигаюсь в заданном направлении.

Глава 8. Теперь познакомимся

Habits - Uğur Dağdır

Голубой Бьюик появляется задолго до окончания моего рабочего дня. Миссис Керрфут, заметив его, как и я, выскакивает к сыну на улицу и задаёт вопрос, на который он отвечает: «Я здесь по своим делам, мам!» - читаю по губам. Возвращаясь к пациентам и проходя мимо стойки, она пристально вглядывается в моё лицо. Он ничего ей не говорил, ни слова - я видела.

- Голодна? - спрашивает Кай, как только выхожу.

Я киваю, и мы едем ужинать. Место оказывается более чем старательно выбранным - это панорамный ресторан на Бёрнебийской горе. Я никогда в нём не бывала и всегда завидовала тем парам и семьям, которые из него выходили: мир, в котором люди посещают подобные заведения, был для меня далёким, как звёзды других Галактик.

- Часто тут бываешь? - спрашиваю, как только мы усаживаемся у окна с видом на Ванкувер, горную грядку и залив.

- Сегодня - первый раз. Но гору эту люблю. Редко, но бывает, приезжаю сюда сам и просто сижу в одном особенном месте.

- Около трёх елей?

- Да, оттуда открывается самый удачный вид! - воодушевляется. - Тоже здесь бываешь?

- Ещё реже, чем ты - у меня нет машины. Но такое случается иногда... я люблю это место за его простор, он настраивает мысли на правильный лад.

- Да, - сосредоточенно кивает. - Ты выразила словами то, что я не смог.

Кай почти не отрывает от меня взгляд, лишь изредка прерываясь на любование приглушёнными вечерней дымкой небоскрёбами уставшего за день города, заливом и вершинами гор на горизонте. В это не совсем позднее, но всё же вечернее время, солнечный свет уже не слепит и не мучает летним зноем, а мягко и ненавязчиво посыпает золотом наш стол, наши руки, воду в бокалах, лицо и чёлку парня, сидящего напротив меня. Он немного щурится, на несколько коротких мгновений широко улыбается, смущённо сжав при этом губы, и на его щеках появляются ямочки. Нонсенс! Как может сочетаться столь трогательная и по-детски милая деталь с таким большим и сильным телом, безнадёжно далёким и от детства, и от присущей ему чистоты?

Мы заказываем стейки сёмги на гриле, обнаружив, что оба любим рыбу. После ужина я успеваю изрядно поварить себя в рефлексии на тему: «Должна ли я расплачиваться за свои блюда и напитки

сама?» В конце концов, решаю, что лучше предложить, чем нет, но когда официант, наконец, появляется со своим сундучком и счётом, моя рука не успевает даже вытянуть из сумки бумажник:

- Давай притворимся, что сегодня и в будущем в нашем с тобой мире понятия «эмансипация» не существует! – выпаливает мой компаньон резко и с раздражением.

Я пытаюсь сообразить, почему он раздражён, и у меня уже почти получается, но для нормальных людей это, видимо, слишком долго:

- Ты никогда не должна платить, если рядом есть я. Хорошо?

- Ладно.

- Отлично, - легонько кивает.

Да, парень, лучше так: говори всё прямо, чётко и ясно. Так намного лучше:

- Я не всегда понимаю иносказания и намёки, - опускаю глаза, стыдясь не своих ограниченных в общении возможностей, а ситуации в целом.

- С этим никаких проблем, я буду стараться говорить прямо.

Его рука тянется, чтобы коснуться моей кисти, но на полпути останавливается. Чуть позже, стараясь не акцентировать внимание нас обоих на этом неловком моменте, он возвращает свою руку на место.

Он что ли чувствует меня?!

Я могу смотреть ему в глаза.

Мне никто не нужен, мне никто не нужен, мне никто не нужен.

Или нужен?

Мы приезжаем в уже дважды знакомую мне квартиру ближе к десяти вечера. Меня почти трясёт от перспективы опять войти в неё и увидеть лица людей, ставших свидетелями моего падения, но она оказывается совершенно безлюдной:

- Ребята уехали на выходные на озеро Култус резвиться в аквапарке, так что сегодня ночью мы одни, - объясняет их отсутствие Кай, следя за моим, мягко говоря, нервно шарящим по квартире взглядом.

В ванной я быстро прохожу ритуал «голова, тело, чистка зубов». Пока сушу волосы, рассматриваю гигиенические средства на полках, стараясь вычислить, какие из всего многообразия «его», а какие принадлежат остальным. У меня был только один шанс изучить его запахи – время недолгой прелюдии до момента боли, заполонившей весь мозг, но единожды познав их, я способна запомнить и всегда узнавать. Он использует шампунь, туалетную воду и крем после бриться одной марки - Argani Code – чёрные флакон, тюбик и баночка расставлены в разных местах на верхней полке. Между ними женские средства для волос и крема для кожи. Я выставляю флаконы шампуней в ряд на второй полке, соблюдая принцип радужной последовательности цветов и оттенков. Более мелкие флаконы и тубы с кремами – на нижней, чтобы не загоразивали зеркало. На третьей и самой верхней оставляю четыре чёрных Argani Code – четвёртым оказался дезодорант. Я убираю чужие использованные бритвы в мусор и вытираю салфетками зеркало, чтобы не было пятен.

Стук в дверь:

- Ты в порядке?

- Да.

- Можно войти?

Я отщёлкиваю замок на двери, и он просовывает своё нахмуренное лицо:

- Если что-нибудь нужно, скажи... - его глаза замечают перемены, и только теперь я понимаю, что мои привычки лезут «на его территорию».

Но реакция хозяина неожиданна:

- Спасибо. Всегда ломал голову, почему, заходя в ванну, первым в голову приходит слово «хаос»?

Я молчу, потому что не могу поймать мысль. Но он добавляет:

- Спасибо, что навела порядок. Скажу оболтусам, чтобы придерживались придуманной тобой системы. И отдельное спасибо за «отдельную полку», - подмигивает.

И добавляет уже серьёзнее:

- Спасибо, что отделила мои принадлежности от всех остальных. Я буду рад, если твои поселятся рядом... *на нашей полке!*

После меня в душ идёт он. Моется довольно быстро и в комнате появляется обёрнутым в одно только полотенце - в районе бёдер. Его плохо вытертое и местами мокрое тело вызывает во мне неприятные мысли и ощущения, и я тороплюсь отвести взгляд.

- Извини, я сейчас оденусь, - обещает и выходит, прихватив вещи из своей гардеробной. Через пару минут возвращается уже в футболке и мягких спортивных штанах, укладывается рядом и, прежде чем выключить свет, спрашивает:

- Что обычно ты делаешь перед сном?

- Занимаюсь.

- Чем?

Я не знаю, как охарактеризовать выражение его лица, но такой тип улыбки определённо относится к категории «Игривых». Мне это не нравится:

- Преимущественно чтением медицинской литературы, - сообщаю тоном, не оставляющим сомнений.

- Окей, - говорит и больше не улыбается, - но сейчас каникулы, ты телевизор не смотришь?

- Нет.

- Я тоже. Тогда выключаем свет и спим?

- Да.

В темноте его близость кажется отдалённой, а этот вечер и вся предшествующая ему неделя - причудливой фантазмагорией, способной родиться только в такой больной голове, как моя. Глаза быстро привыкают к темноте, которая никогда не бывает полной в большом городе. Вначале я прислушиваюсь к звукам, в надежде уловить размеренность дыхания спящего рядом человека и расслабиться, но тишину в комнате нарушает лишь приглушённый своей дальностью гул автобана и редких сирен служебных машин, скрежет поезда, подъезжающего к станции скайтрейна. Так медленно и бесшумно, как только это возможно, я поворачиваю голову влево, чтобы взглянуть на парня рядом и убедиться в том, что он спит, но наталкиваюсь на блеск его открытых глаз и почти сразу слышу:

- Спи! - шёпотом. - Всё будет хорошо. Теперь всегда всё будет только хорошо...

Глава

9.

Рождение

«

Нас

»

Good Weather For An Airstrike - Rescue

Mazzy Star - Take Everything

Halsey - Clementine

Я просыпаюсь ранним утром: голубоватый тусклый свет уже очень хорошо освещает комнату с синими стенами. Некоторое время изучаю сосредоточенного индейца на фотографии, висящей на стене рядом с окном, стараясь понять, чем именно завораживает его взгляд. Догадываюсь - грустью, и в ту же секунду теряю к нему интерес: теперь мои глаза смотрят на облака, плывущие по сине-сиреневому морю. Это не моё окно, в моём болтаются от ветра или мокнут под дождём ветки

пихты.

Бесшумно поворачиваюсь и вижу: он обвил своё тело вокруг меня, не касаясь ни в одной точке. Его голова и правая рука расположены надо мной, необъятный, как горная Ванкуверская гряда, торс рядом, ноги согнуты в коленях под моими ногами. Он обёрнут вокруг меня одной большой буквой «С».

Обещал не прикасаться, и слово своё держит.

Я знаю, что не спит. Слышу шелест его мыслей, но слов разобрать не могу. Набираюсь смелости и медленно поворачиваю голову: его глаза открыты и смотрят в мои, лицо спокойное, но не безмятежное. Улыбки нет, однако я ощущаю, что он улыбается мне весь, целиком.

Мы лежим и смотрим в глаза друг другу, наблюдая за тем, как с растущей яркостью света всё чётче и чётче проявляется рисунок радужки. Я вижу яркий изумрудный цвет, темнеющий к зрачку, и правильные, ровные волокна радужки.

- Привет, - тихо говорит.

- Привет, - отвечаю.

- Как спалось?

Я теряюсь, а он не настаивает на ответе.

На кухне усаживаюсь на один из стульев, смутно соображая, что это, скорее всего, чьё-то место, а чужие места лучше не занимать. Хозяин, тем временем, быстро осматривает чистую миску с полки, затем тщательно моет её новенькой губкой и вытирает насухо бумажным полотенцем:

- Ребята моют посуду в машинке, но она не всегда справляется с поставленной задачей, - поясняет свои действия.

Я не знаю, стоит ли комментировать эту информацию, поэтому молча разглядываю кухню: качественные шкафы, остров с гранитной столешницей посередине, хорошая техника. Такого большого холодильника я ещё не видела - с двумя дверцами, как в обычном шкафу, и контейнером для воды.

- Эту квартиру подарила мать, когда мне исполнился двадцать один год.

- Добротная, - хвалю.

- Да, хорошая, - вынимает из холодильника банку с йогуртом, достаёт с полки хлопья:

- Хлопья с йогуртом будешь?

- Буду.

А куда мне деваться, если ничего другого не предложили?

- Что ты обычно ешь на завтрак?

- Хлопья, как все, только с молоком. Фрукты ещё.

- Какие?

- Любые. Просто фрукты.

- Яблоки?

- Можно и яблоки.

Он кивает, откладывая часть клубничного йогурта в мою тарелку:

- У меня сегодня только клубничный, у тебя нет аллергии?

- Я люблю клубнику. Аллергии у меня совсем нет.

- Это отлично, - кивает.

Затем включает новостной канал, и мы синхронно проваливаемся в хронику мировых и местных Ванкуверских событий.

- Ты обычно чай пьёшь или кофе? - спрашивает, не глядя.

- Кофе.

- Хорошо. Хочешь попробовать чай с мятой? Я завариваю только свежие листья - утром пьётся приятно и полезно ещё.

- Попробую.

- Отлично.

Снова это отлично.

Вдруг обнаруживаю его в прихожей зашнуровывающим шнурки на кроссовках:

- Я на пять минут: мята закончилась, магазин недалеко.

Бегу вслед шнуровать свои:

- Я с тобой.

И прежде, чем он успевает возразить, объясняю:

- Не хочу оставаться в чужой квартире одна.

На лестнице его спина загораживает мне весь обзор, и я, подскакивая вслед за ним, как Пятачок вслед за Винни, усердно пытаюсь понять, достаю ли макушкой хотя бы до его лопаток.

По дороге мы больше молчим, изредка поглядывая друг на друга, и его взгляды сосредоточенные, серьёзные, но не злые. В Воллмарте находим мяту, по пути к кассам заходим в фруктовый отдел и набираем яблок и клубники.

- Я думаю, сегодня пообедаем где-нибудь в хорошем месте, а вообще, чем ты питаешься в течение дня?

- Чем получится.

- А точнее?

- Если есть выбор, покупаю овощные салаты, а если дома - готовлю их сама.

После этих откровений мы направляемся в соответствующий отдел:

- Бери, что нужно, - командует.

И к фруктам добавляются овощи, причём мой спутник внимательно изучает всё, что я кладу в корзинку.

- Ты - настоящее травоядное! - комментирует с улыбкой.

И я снова не знаю, как реагировать:

- Спасибо.

- За что спасибо?

Силюсь придумать адекватный ответ, перебираю в голове уроки о юморе и его уместности, в итоге пожимаю плечами:

- За слова?

Странное дело, но мой ответ его полностью удовлетворяет. Он довольно кивает, добавляет к покупкам коробку булочек с карамельной начинкой и примерно фунт жележных медведей. Надо сказать, в магазине я предположила, что медведи и булочки предназначались Марине и Дженне. Оказалось, этот парень размером с гору Гроус - сладкоежка. Пока коробка булок исчезала в его утробе, он десять раз поинтересовался, не желаю ли я попробовать эти «восхитительно нежные и в меру сладкие булки без красителей, консервантов и искусственных вкусовых добавок». Невзирая на все мои «нет» он всё же оставил две штуки с комментарием:

- Я всей душой за здоровое питание, но мне слишком сложно накормить себя одной только травой. Поэтому допускаю некоторые послабления, - подмигивает.

Мы, двое совершенно чужих людей, в этот со всех точек зрения неловкий и неуклюжий момент, ещё не знаем, что годы спустя приучим друг друга не только к овощам и сладкой выпечке, но и ко многим другим вещам. Что всё, что было до этого дня индивидуальным, станет «нашим». В тот

момент, единственное, что мы оба ясно и чётко понимали, это то, что следующую ночь хотим провести вместе:

- Ты останешься? – спрашивает, словно невзначай, допивая свой мятный чай.

Чай мне понравился, и квартира с длинными узкими окнами и панорамным видом на залив теперь ассоциировалась не с унижением, а с согревающей мятой:

- Останусь.

- Работаешь сегодня?

- По субботам мало пациентов, Соната справляется сама.

- Отлично. Я тоже сегодня свободен. Тогда, может, ходим в кино?

Я слишком долго размышляю над тем, как правильнее отказаться от предложения, как вдруг он выручает сам:

- Если в кинотеатре тебе не комфортно, мы можем устроить свой собственный дома.

- Да, дома лучше, - киваю, и мои губы самовольно растягиваются в улыбке, и я получаю:

- Ты очень красивая, когда улыбаешься.

И добавляет:

- Сегодня – это в первый раз. Я впервые вижу твою улыбку с той ночи...

Он смотрит в глаза своей необыкновенно яркой в утреннем свете зеленью, и мы ненадолго оба замираем. Он отмирает первым:

- Отлично. Значит, кино посмотрим дома.

Первую половину субботы мы проводим в парке королевы Елизаветы, любуясь на розы и другую растительность. Прежде, чем вернуться домой, снова заезжаем в магазин за продуктами, и по пути к кассам Кай внезапно разворачивается в обратном направлении:

- Мне пришла в голову одна идея...

- Какая?

- Огоньки.

Я подумала о свечах, но нет: в рядах товаров для дома и уюта мы находим электрические гирлянды. Он долго изучает коробки и, наконец, находит то, что искал:

- Вот эти - то, что нужно, - сияет довольный.

В его руках коробочка с надписью «Гирлянда «Серебряный Дождь»».

- Любишь дождь? – интересуется.

- Да, - отвечаю.

- Я тоже.

Мы расплачиваемся, прихватив на кассе жевательную резинку и даже не взглянув на стенд с коробочками презервативов.

Глава 10. Куда приводят мечты

Lana Del Rey - Brooklyn Baby

Кай вооружается дрелью и клипсами, зажав парочку в зубах, забирается на стул и крепит горизонтальную часть гирлянды к потолку вдоль спинки дивана и прямо посередине комнаты.

- Тебе помочь? - спрашиваю.

- Придержи конец, - соглашается.

Мы впервые делаем что-то вместе, и, невзирая на онемевшие от слишком долгого торчания вверх

руки, я нахожу в этом нечто... успокаивающее, что ли?

- Ну как тебе? - интересуется, как только мы заканчиваем.

- Клёво! - искренне восторгаюсь, любясь длинными струями мелких белых огоньков, тянущихся от потолка до самого пола.

Кай долго гремит посудой в шкафах:

- Не понимаю, куда девчонки подевали миски для попкорна!

- Может, насыплем его в кастрюлю?

Моё предложение его не впечатляет и он, подумав, приносит из своей комнаты два гигантских чертёжных листа, сворачивает из них кульки:

- Высыпай сюда, - командует, - и представь, что это картонные вёдра!

Я улыбаюсь, потому что мне нравится всё, что происходит в последние два часа. Да и вообще весь этот день. И ночь.

Мои ноги не достают до журнального столика, на который Кай водрузил свои. Пару мгновений он размышляет, затем приволакивает из комнаты Дженны туалетный пуфик и ставит мне под ноги. Я даже не успеваю возмутиться:

- Мы ей не скажем! А если и скажем - не слиняет. Ты какой жанр предпочитаешь?

- Научную фантастику.

- Одобряю.

После недолгого совещания по поводу выбора фильма, мы даже слишком быстро сходимся на Звездных Войнах. Однако повторный просмотр шедевра оказывается не таким занимательным для Кая, как для меня, потому что он вдруг вспоминает:

- Дженни как-то очень хвалила один фильм... только я не помню его название.

Он звонит подруге, затем, выслушав инструкции, долго роется в её комнате и, в конце концов, приносит диск:

- «Куда приводят мечты» - читаю на пластиковой упаковке. - Обложка красивая, актёр известный.

- Я не видел, а ты?

- И я.

Вообще-то, тема жизни после смерти не моя - мне бы с текущей разобраться, да и не верю я в эти профанации, но новое всё же лучше, чем старое. Наверное.

После долгого и скучного начала кино становится интересным, правда, больше для Кая, нежели для меня. Он так сосредоточенно всматривается в экран, что даже перестаёт жевать попкорн.

- Хороший фильм, - заключает, как только на экране появляются титры.

- Угу, - соглашаюсь. - Только я так и не поняла, зачем он полез в ад.

- Как зачем? Чтобы спасти её.

- Это понятно. Но она оказалась там не просто так. Зачем же нарушать установленный порядок? Правила должны быть для всех едины.

- Без исключений?

- Без, иначе что тогда? Хаос.

- Нет уж, погоди. Ты считаешь, что Энни попала в ад заслуженно?

- Конечно. Она совершила сразу два греха, в которых уже нельзя покаяться. Закон нарушен? Нарушен. Значит, должно быть наказание.

- Погоди, какие ещё два греха?

- Отчаяние и убийство.

- Отчаяние – это грех?

- По христианской вере – да.

- Ты верующая?

- Моя мать очень набожна...

- А ты? Ты веришь или нет?

- Скорее да, чем нет.

- Как это возможно? У тебя же всё чётко: есть закон и порядок, есть чёрное и белое...

- Ну... - пожимаю плечами, - в детстве я никогда не сомневалась в словах матери и священника, но в более старшем возрасте моя вера свелась к тому, что нечто разумное просто обязано быть, и быть НАД нами, потому что люди – существа слишком жестокие, чтобы существовать сами по себе. Оглянись назад, взгляни на историю человечества, на бесконечность войн в нашем мире, на истребление слабых - индейцев, например, и ты поймёшь, что без корректирующего, направляющего разума, мы давно уничтожили бы себя!

- Значит, Бог есть?

- Есть.

- И отчаяние – это нарушение его законов, то есть грех, так?

- Так.

- Тогда объясни мне, почему мы, его подопечные, совершаем самоубийства? Каждые 40 секунд один человек лишает себя жизни добровольно, что даёт нам, в общей сложности, один миллион суицидов в год. Вдумайся, один миллион людей не справляется с тем, что он, Бог, им отвесил! Если его система существует, то она слишком далека от идеала, чтобы быть божественной! Ты не находишь?

В его словах и мимике столько экспрессии и возбуждения, что я совершенно теряюсь, а он уже не может остановиться:

- Если Бог – наш отец и создатель, то какого чёрта он посылает смертным и слабым людям столько боли, что они не в состоянии её вынести? Это - его ошибка, но наказывает он за неё нас же, своих подопытных? Это ли не маразм?

- Не подопытных! - выпаливаю на выдохе. - И он не посылает никому боль! Он создал мир и населил его людьми. Он дал им всё, что нужно для жизни, и поручил самую малость - жить и любить. А вот в том, как мы живём и как любим, мы сами боги – все решения принимаем мы сами, все свои шаги и не шаги совершаем тоже самостоятельно. Бог не делал нас жестокими, завистливыми, жадными, он дал нам ум, чтобы выжить, а мы изобрели тысячи способов убивать друг друга! Он дал нам богатые лесами и водой земли, мы вырубали деревья и наши реки высохли...

- Так, я понял. Да. Ты верующая.

Спустя минут пять «остывания» в тишине он заключает:

- Всё равно в его системе больше изъёнов, чем смысла. И нелепые законы и устои не только можно, но и нужно нарушать – это одно из условий эволюции. Энни убила себя, потому что не смогла вынести боль от потери всех, кто был её смыслом. И я не представляю, как и кто, вообще, способен такое вынести и не прийти к тому же решению! А Крис молодец, я бы тоже пошёл.

- Рискуя навечно остаться в Преисподней?

- А смысл существовать, если рядом нет самого дорогого? Одиночество в раю?! Ты серьёзно?

Я вообще не понимаю, о чём он. Меня больше волнует тот факт, что наши плечи соприкасаются, как однажды в автобусе, и это первый телесный контакт с той самой ночью. Не считая того единственного раза, когда он поймал меня в кампусе, ухватив за талию, и водрузил на скамейку.

Глава 11. А теперь немного правды

Dope Lemon - Best Girl [Lyrics] (Angus Stone)

Перед сном, в полумраке позднего летнего заката, в тишине и размеренности нашего дыхания,

меня вдруг одолевает нестерпимое желание признаться:

- Я должна тебе кое-что сказать.

- Хорошо.

- Тебе это не понравится.

- Возможно.

- У меня аутизм. Одна из тех форм, которые не сразу заметны.

- Я это понял.

- Как? Когда?

- Когда ты визжала на лестнице. Когда бегала от меня - всё время. Когда смотрю в твои глаза.

Я впервые говорю с человеком, не являющимся профильным специалистом, о своей проблеме. Он не выглядит испуганным или сожалеющим:

- В диагнозах не силён, но почувствовал: тут должно быть что-то... необычное.

- Другие люди тоже будут это замечать. Твои друзья, например.

Улыбаясь, он на мгновение закрывает глаза, потом, распахнув их, резко поднимается, чтобы повиснуть надо мной, но, словно вспомнив о границах, подаётся назад:

- Викки, я понял, о чём ты, и вот мой ответ: не это меня волнует.

Пристально вглядывается в моё лицо и ждёт, чтобы спросила:

- А что волнует?

- Я прошу тебя только об одном: никогда меня не обманывай. Сможешь?

- Смогу.

Да легче простого, знал бы ты, как тяжело лгать или лукавить, а главное, вовремя сообразить, что это необходимо сделать. Меня учили хотя бы замалчивать... но так и не выучили.

- И ещё кое-что, - продолжает.

- Что?

- Не предавай. Сможешь?

- Смогу! - решительно киваю.

- Теперь скажи, чего хочешь ты.

И я, не задумываясь, отвечаю:

- Букву «С».

- Не понял?

- В постели вокруг меня - букву «С».

Сообразив, о чём я, он довольно соглашается:

- Хорошо. Я обещаю тебе «О».

Пытаюсь представить себе, как это возможно, но получается неважно:

- Ты гуттаперчевый, что ли?

- Нет! - смеётся, причём как будто от души. - Для этого мне нужна твоя помощь!

- Какая?

- Позволишь к себе прикоснуться?

Поскольку я не отвечаю ни «да», ни «нет», он протягивает ладонь, предлагая её направить. И я

задумываюсь: куда? В каком месте я смогу вытерпеть его руку? Так и не дождавшись моего решения, Кай прижимает наши ладони к моей талии и придвигается ближе, не отрывая взгляда:

- Ты никогда не смотришь людям в глаза, даже когда говоришь с ними. Но есть одно исключение - я. Мне позволяешь.

Он прав, и я сама не знаю, почему именно с ним у меня это получается.

- Ты не выносишь прикосновений, но тогда... справилась с ними. А позже убирала мои руки даже во сне. Ты научилась адаптироваться?

- Всему можно научиться. Например, петь. Или сидеть в клетке. Говорить. Или молчать.

- Верности не научишь.

Кай поднимает руку выше - на рёбра, прижимает плотнее и всё время вглядывается в моё лицо - скрыть ничего невозможно.

- Просто убери её или передвинь туда, где ей место, - предлагает, чувствуя, очевидно, моё напряжение.

Я отнимаю его ладонь и кладу немного ниже шеи - мне интересно самой, как далеко моя психика уже выпустила этого парня. Именно этого, без холода и разочарования в глазах.

Он долго и пристально на меня смотрит, затем, наконец, спрашивает:

- Что у тебя под этим шарфом?

- Ничего.

Кай выглядит странным, прижимает ладони и пальцы так, будто гладит, и мне это приятно. Настолько, что я закрываю глаза, а когда открываю снова - вижу его лицо прямо перед своим, губами ощущаю тепло выдыхаемого им воздуха.

- Нет, - произносит шёпотом, - если я ещё могу сделать хоть что-то правильно, то это произойдёт не так и не здесь.

С минуту спустя спрашивает:

- Какое твоё самое большое желание на сегодня?

- Я не знаю, что такое желаний.

- Желания, это то, чего тебе невыносимо хочется в этом отрезке времени, - объясняет.

- А чего хочется тебе? Невыносимо?

- Иметь такую волшебную пыль, которой можно было бы посыпать прошлое, чтобы стереть из него отдельные поступки и записать их заново.

Глава 12. Юность стремительна и безрассудна

За последние два десятилетия число людей с диагнозом «аутизм» стремительно растёт во всем мире. «Например, в США этот диагноз ставится одному из 88 детей, А в Южной Корее даже одному из 38».

«Какими нас видят люди с аутизмом»

NilsFrahm - More

Следующим утром я долго разглядываю каштановую прядь с медным отливом, красиво подгибающую свой конец - настоящая морская волна в осенней цветовой гамме. Не слишком высокий лоб, которым этот парень любит хмуриться, а у самых волос, ближе к виску, пятнышко - наверное, родимое.

Вначале он мягко, по-доброму ухмыляется, затем приглашает:

- Просто потрогай, если хочется!

Я тяну руку к его волосам и неспешно, проживая всякое мгновение этого микроскопического в моей жизни отрезка, провожу по ним пальцами, возвращаюсь, пропускаю между них пряди, трогаю

концы, рассматриваю на ладони. И я не знаю, что именно с ним происходит, но выглядит он теперь не так, как обычно, а очень странно и даже опасно: дышит слишком глубоко, местами шумно, смотрит не мягко, как раньше, и не только в глаза – его интересуют все части меня, а определённые особенно: губы, шея, грудь.

Я паникую и уже хочу сказать ему об этом, как вдруг он резко переворачивается на живот, закрыв лицо своей широкой ладонью.

-Эй?! – я теряюсь между паникой, страхом и... неловкостью, потому что догадываюсь, в чём его проблема, но понятия не имею, как себя вести.

- Сейчас... дай мне минуту, - просит.

И я лежу, как мышь, вжавшись в матрас, испытывая острое желание отодвинуться как можно дальше, а ещё лучше и вовсе сбежать из этой комнаты, из квартиры, из города и оказаться в безопасной односпальной кровати в моей комнате. И чтобы рядом была только Адити, у которой в принципе нет ничего такого, что необходимо было бы прятать.

Да, мы пережили ночь и один эпизод секса в темноте и безмолвии: он просто делал то, что должен был, а я... я терпела, заставляя себя не малодушничать и дойти до конца.

Он мужчина и должен притворяться, что любит, чтобы получить секс. Я женщина и должна притворяться, что хочу секса, чтобы иметь шанс получить от него немного любви – так меня учили. Тогда почему всё происходит иначе?

Он ни о чём не просит и ничего не требует, ничего от меня не ждёт. Он не притворяется, а изучает меня так же точно, как и я его. К чему же всё это идёт, вернее, куда ОН нас ведёт?

Внезапно в гостиной раздаётся смех, и только сосредоточившись на нём, я понимаю, что смеху предшествовали и голоса: другие жильцы этой квартиры вернулись.

- Знаешь, ночью я размышляла над желаниями, - признаюсь, пользуясь поводом отвлечь соседа по кровати от его проблем. - Если была бы возможность выбирать, я бы хотела родиться инуиткой.

- И жить в иглу?

- Можно и в юранге, и в иглу - мне везде бы подошло.

- Почему именно инуиты?

- Людей мало, свои только все – они тебя хорошо знают, а ты их. Это жизнь совсем без страха и стресса. Выживать они умеют и почти не болеют.

- Тебе было бы плохо.

- Почему?

- У них нет библиотек.

- Я об этом думала: скорее всего, родился я в инуитской семье, меня не тянуло бы к книгам.

- А к чему тянуло бы?

- Просто к жизни. Они ведь одни из самых счастливых людей на Земле, ты знал? Радуются простым вещам, сытному обеду, например, хорошему улову. Живут они просто, тихо и мирно. Нет ни социальных течений, ни манипуляций, ни несправедливости. Вечной спешки нет, стресса тоже.

- А что есть?

- Охота и промысел – у мужчин, дела домашние и дети – у женщин. Каждую секунду своей жизни они на воле – полагаются только на себя и отвечают только перед самими собой.

Он глубоко вздыхает и переворачивается на спину, из чего следует, что прятать ему больше нечего, но проверять это глазами у меня нет желания. Я прислушиваюсь к голосам и смеху за дверью, думая о том, как тяжело мне будет выходить из этой комнаты. Мои мокрые руки дрожат, и я прячу их под собой, свернувшись улиткой и представляя в уме, как листаю книгу. Неожиданно, моей ладони становится тепло и уютно – это он сжимает мою руку в своей:

- Возможно, ты мне не поверишь, и у тебя для этого есть масса причин, но я действительно очень хотел бы, чтобы эта комната или не эта, а любая другая, но та, в которой ты будешь жить не одна, стала для тебя прочной, тёплой, закрытой от ветра юрангой. И ещё больше я хотел бы быть тем, кому ты позволишь в ней жить вместе с тобой.

Кай поворачивает голову в мою сторону и смотрит. Слова, которые он только что произнёс, не просто греют меня изнутри, а растапливают, как камин. И даже того тепла, которое есть сейчас, мне хватит надолго. Наверное, поэтому я улыбаюсь. Невольно и широко.

Он закусывает нижнюю губу, словно прячет улыбку, потом вдруг признаётся:

- Я почему-то уверен, что у меня получится. Но только если ты поможешь.

- Получится что?

- Снять твои доспехи. За ними тебя почти не видно.

- Знаю.

Красиво, конечно, он мои уродливые наросты доспехами назвал. Но научиться доверять людям и любить их, разве не это важнее всего?

- Я не смогу снять их без твоей помощи, Вик.

Выползая из его спальни адски страшно и стыдно, но деваться некуда - всё равно придётся. Перед тем, как открыть дверь, он берёт меня за руку, просочившись своими длинными пальцами сквозь мои, практически спрятав мою ладонь, и подмигнув, негромко уверяет:

- Всё будет хорошо! Ты же со мной!

И вот вторая часть его речи перед нашим выдвижением мне как-то по-особенному сильно нравится. Однако мой эмоциональный апогей ещё впереди.

SashaSloan - DancingWithYourGhost

- Судя по тому, как светятся его фонарики, Кай всё-таки нашёл свою Герду! - громко восклицает Марина.

- Не только нашёл, но и сразу уложил! - скалится парень с татуировками на шее и руках - Олсон.

- Захлопни пасть, идиот! - рявкает на него Кай своим британским говором, и от силы его голоса я вздрагиваю.

Он это как будто чувствует, загребает обеими руками так, что я, кажется, бесследно исчезаю где-то в недрах его груди:

- Да, я нашёл её. И любому, кто тронет словом, я голову откручу, а если, не дай Бог, пальцем...

Мне как-то сразу становится хорошо. Ну очень хорошо. Вот совсем, совершенно полностью и без всяких оговорок ХОРОШО. Думаю, именно это испытывают люди во время оргазма.

- Ууу... как всё серьёзно... - тянет Марина с широченной улыбкой, Дженна тоже вроде как улыбается, парни закатывают глаза, а татуированный монстр отвечает за всех:

- Не кипятись, брат. Олсон всё понял и будет вести себя подобающе. Остальные тоже. Остальные?!

- Привет, я Лейф, - тянет мне руку светловолосый Лейф, кажется, это он танцевал на столе и орал во всю глотку «мужской стриптиз не для слабаков!».

- Я Марина, - кивает мне Марина и улыбается.

- Мы уже знакомились, - повторяю.

- Да, точно! Знакомились, - хохочет. - Ни фига не помню!

- Дженна, - протягивает свою ладонь вторая девица, и я поражаюсь тому, насколько огромны её синие глаза.

Они намного красивее моих. Её лицо красивее моего, но главное - оно умеет вовремя улыбаться. Она высокая, и её длинные ровные ноги идеально смотрелись бы рядом с парнем по имени Кай Керрфут - ему никогда не пришлось бы ставить её на скамейку, чтобы достать до лица. Эти двое, что называется, могли бы быть идеальной парой.

И в связи с этим у меня вопрос: что я здесь делаю?

Глава 13.

Сладкая

Зачастую слово «аутист» ассоциируется с образом ребенка, чаще мальчика, который не разговаривает и проводит всё время, смотря в одну точку и раскачиваясь из стороны в сторону. В реальности многие люди, независимо от возраста и гендера, имеют расстройства аутического спектра. Они ходят на работу, имеют семьи и ведут достаточно активную социальную жизнь. «Я живу с синдромом Аспергера» Анастасия Андреева 31 марта 2017 TheVillage

Sasha Sloan - Older

Днём с понедельника по пятницу я работаю, а вечерами живу у себя, причём совершенно одна, потому что Адити уехала в Мексику с не очень перспективным, но довольно щедрым, с её слов, ухажем. Одиночество – всегда самая комфортная из всех форм моего существования, но не в этот раз.

Мне плохо. Мне очень плохо. Наверное, именно так люди переживают абстинентный синдром – наркотическую ломку.

В то мгновение, когда без пятнадцати семь в пятницу голубой Бьюик паркуется на служебном слоте нашей клиники, нечто в моей груди выстреливает с такой силой, что я машинально прижимаю ладонь к сердцу. Интересно, как люди ощущают инфаркт? Как будущий врач не могу не отметить, что румянец на моих щеках не характерен для пациентов, переносящих сердечный приступ.

На этот раз я подхожу к нему сама. Он улыбается:

- Привет!

- Привет.

- И всё-таки, ты очень красивая, когда улыбаешься!

После немногословного, но уютного ужина вместе, он спрашивает:

- Останешься сегодня у меня?

И я, конечно, соглашаюсь.

Ближе к сумеркам жители муравейника в Китсилано облачаются в спортивные майки и шорты, я остаюсь, в чём была.

- По вечерам мы ходим размяться на спортивную площадку возле соседней Элементарии Скул, - объявляют мне. - Баскетбол, волейбол, футбол...

- ... бейсбол, - продолжаю.

- Нет, для бейсбола нам не хватает снаряжения! - смеивается Олсон.

На площадке взмыленные парни терзают баскетбольное кольцо, Марина, Дженна и я – бегаем по кругу на бейсбольном поле. Девушки обсуждают массу вещей, в которых я ровным счётом ничего не смыслю, и единственное, что мне удаётся выяснить, это род занятий обеих: Дженна художница, Марина тоже. Что может связывать двух художниц и одного будущего педиатра между собой? Кай, Лейф и Олсон уже закончившие учёбу программисты. Что может связывать одного программиста и одного врача?

- Эй, розарий! – внезапно окликает нас Кай. - Как насчёт того, чтобы сыграть в прятки?

- Мы только зааааа! – визжит Марина.

- Я в деле! – хохоча, объявляет Дженна.

Ну, прятаться тут действительно есть где: обширное сложной структуры здание школы, хозяйственные постройки, игровые и спортивные площадки, кусты, опять же...

- Сыграем? – вглядываются в меня сощуренные зелёные глаза.

- Почему нет? – пожимаю плечами, но, честное слово, нет во мне энтузиазма заниматься подобной ерундой.

А зря. В школе меня не принимали в коллективные игры, если только в самой-самой начальной, когда моя «непохожесть» не так сильно бросалась в глаза. И вот, в возрасте двадцати двух лет, мне выпадает шанс узнать, что же такое азарт и связанная с ним возбуждённость.

Мы играем раундами на время, разделившись на мужскую и женскую команды. Первый раунд

девочки проигрывают, несмотря на определённо лучшие навыки в поиске потерянных вещей, а всё потому, что Олсон забрался на дерево, и искать его там ни одной из нас не пришло в голову. Во всех остальных раундах парни нас находят, и мы их тоже. Но выиграть отчаянно хочется (да хотя бы сравнять счёт!), поэтому мой мозг одержимо перебирает идеи и их комбинации, в то время как Марина и Дженна хохочут, легко позволяя себя обнаружить.

В последнем заходе моя методика непрерывного движения вокруг здания отопительного корпуса отлично срабатывает, но отведённого ребятам времени на поиск ещё предостаточно, и, скорее всего, они сообразят, как меня найти и отловить. И вдруг я вижу очень низкую деревянную дверь, ведущую в полуподвальное помещение. Она поддается моей ладони, и я быстро и без лишнего шума проскальзываю внутрь. Это очень маленькое помещение, совсем крохотное, предназначенное для хранения садового инвентаря и мешков с солью.

Ariela Jacobs - Saving Grace

- Викки... - шёпот.

Моё сердце готово выпрыгнуть из груди то ли от страха, то ли от неожиданности, то ли от разочарования - неужели нашли? Как вычислили? Как просчитали? И почему шёпотом?

Я ошарашено вглядываюсь в темноту и едва различаю знакомое лицо:

- Что ты здесь делаешь? - тоже шепчу.

- Тебя жду!

Ни единой секунды, он не даёт мне, чтобы хоть что-нибудь понять: притягивает меня, обхватив затылок и поясницу ладонями, прижимается всем телом и... губами к моим губам.

Мир исчезает: шума нет, стен нет, меня нет, есть только нежность на моих губах. Сладость размером с Вселенную.

Я не испытываю ни брезгливости, ни отвращения, напротив, раскрываю рот шире, впуская его, и закрываю только глаза, чтобы они не мешали разливаться тяжёлой горячей ртути внизу моего живота, проникать в вены и артерии, в самые тонкие сосуды, доводя мои ткани до состояния невесомости.

Внезапно и душераздирающе быстро он отрывается, смотрит на моё лицо, а я на его приоткрытые влажные губы, и в этот момент мне кажется, что смерть вполне возможна от неудовлетворённого желания целоваться. Мгновенная остановка сердца по причине преждевременно прерванного поцелуя.

Поэтому я тянусь сама, провожу языком по его нижней губе, чтобы не умереть и чтобы узнать, какой он на вкус...

Мне представлялась самая высокая гора и какое-нибудь розовое цветущее дерево над нашими головами... разве не таким должен быть первый поцелуй? Кто бы мог подумать, что подходящим окажется вот такой чулан и момент, когда от страха и перевозбуждения у меня трясутся руки, когда вся я - натянутая до предела струна, готовая вот-вот лопнуть и оглушить мир своим звоном.

Оказывается, поцелуй - это то, что он сейчас вытворяет. Если говорить об ощущениях, то... только не останавливайся, Кай!

Господи, кто? Кто это придумал? И как я жила... раньше? Не зная...

Не останавливайся, продолжай и дальше творить ЭТО губами на моей шее и... даже груди, мне плевать, только не прекращай того, что делаешь, потому что... потому что это - блаженство, растущее по какой-то нелепой ошибке не из сердца или мозга, а из точки, расположенной между моих онемевших ног.

Наверное, если бы в этот момент он хотел от меня чего-то большего, чем поцелуй, он бы это получил. Несомненно получил бы, потому что девичья память очень легко отшибается, как следует из моей тотальной прострации.

Но в его планы это не входило.

Я практически лежу в его руках, когда он, снова оторвавшись, говорит, что нам лучше остановиться.

«Что? Зачем? Почему? Как же так? Что угодно, но только НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ!» - вопит всё во мне, но сама я, к счастью, способна только произнести:

- Ка-а-ай...

Он улыбается всем, что у него есть, что пригодно для выражения самой искренней и самой полной улыбки на свете:

- Это самый первый раз... ты впервые произнесла моё имя!

Правда? Неужели ни разу до этого?

Отдышавшись, Кай снова прижимается губами, но на этот раз целомудренно – к моему лбу. Сердечный ритм у него ускорен, как у младенца – сто сорок ударов в минуту – вдвое больше нормы для здорового взрослого человека, находящегося в состоянии покоя. Значит, он находится в «непокое».

Я поднимаюсь, отстраняя его руки, поправляю одежду и волосы, но всё это – суета, призванная скрыть мой интерес к его «непокою»: да, я могу его видеть и даже в этой полутьме, и всё потому, что ткань на его шортах слишком мягкая и слишком прилегающая к телу.

Не знаю, почему, но именно в этот момент я впервые осознаю себя женщиной. Этот парень не впервые возбуждён рядом со мной, но почему-то только теперь глубинный смысл его желания добрался до моего сознания. И я улыбаюсь, потому что быть желанной это так... жизнеутверждающе!

Я поворачиваюсь, смотрю в его глаза и говорю ему мыслями, умоляя услышать:

Что такое секс, я уже знаю, что такое поцелуй тоже. Но мне бы очень хотелось ещё узнать, что такое «любовь». Покажи мне её, а? Отлومي кусочек пресловутой «мужской нежности», бережности, заботливости? Полюби меня! Хоть немного...

Он не отводит глаз, смотрит и сморит, не моргая, и даже в темноте, где огромные зрачки не дают увидеть радужку, я тону в изумрудной зелени, и она говорит мне, что он всё слышал. Что понял. И он это сделает.

Глава 14. Алла

Человек с высокофункциональным аутизмом может работать, и даже работать в коллективе. На самом деле нам проще добиться успеха в работе, чем построить счастливую семейную жизнь

«Я живу с синдромом Аспергера» Анастасия Андреева 31 марта 2017 The Village

Cattle & Cane - Dancing

Из всех терапевтов Алла работала со мной меньше остальных, а запомнилась больше всех. Главным образом, своими словами:

- Девушки аутического спектра серьёзно отличаются от парней с тем же диагнозом. Если вторые чаще выбирают отшельнический образ жизни, то первым любовь и отношения нужны даже больше, чем нейротипичным (обычным, здоровым) людям. Не лишай себя возможности узнать счастье быть любимой и любить самой, Викки. Узнать, что такое нежность мужчины, сексуальность и сам секс. А забота для тебя имеет куда более важную роль, чем для всех остальных. Не всем ребятам с твоим диагнозом удаётся встретить подходящего человека, ещё меньше способны его удержать. Но я почему-то чувствую, что именно тебе должно повезти, Вик. Ты особенная!

Эти её идеи плотно засели в моём мозгу с избыточными нейронными связями, однако опыт общения со сверстниками в школе, затем колледже и, в конце концов, институте, заставил убедиться в утопичности этой идеи.

Короче, я, как и большинство мучеников, вынужденных не жить, а «справляться с жизнью» в обществе, выбрала безопасный и комфортный путь отшельничества.

Ещё Алла сказала, что мой уровень эмпатии, как и положено, значительно ниже, чем у здоровых людей, но среди её пациентов с высокофункциональным аутизмом он самый высокий:

- Ты сможешь отвечать мужчине на любовь правильно, интуитивно, и не пользуясь заученными схемами. Также я допускаю, что со временем он обнаружит в тебе даже большую сексуальность, нежели у нейротипичных женщин. Он будет счастлив с тобой, Викки.

Это уже пятый вечер в квартире, возвращаться в которую было страшнее смерти. Как же так вышло, что я всё ещё тут? Даже Адити, обеспокоенная моим отсутствием, звонила Каю и спрашивалась, жива ли я, потому что, пребывая в сознании, всегда возвращаюсь туда, где привычно, а значит комфортно и безопасно. Кай с широченной улыбкой ответил, что жива, и даже дал нам

поговорить.

Теперь мы снова в полумраке, хотя за дверью спальни тысяча и один шум: телевидение, музыка, посуда и четыре голоса. Неожиданно обнаруживаю, что не только меня туда не тянет, но и Кая тоже. Уединились мы давно, сразу после вечерней «разминки», даже в душ не пошли: как только закрылась дверь синей комнаты, его губы прижались к моим. И сейчас, подозреваю, он не целует меня только потому, что уже больно.

Внезапно я слышу:

- Скажи всё-таки, что у тебя под этим шарфом?

- Ничего.

Он кивает, потом с минуту смотрит в сторону, как будто в окно, вдруг неожиданно склоняется, отодвигает шёлковую ткань в сторону и целует прямо в шрам.

Я чувствую то, что объяснить не могу. Щиплет в глазах, но сбежать на этот раз почему-то не хочется. Кай вторгается туда, куда я никого не впускаю, но парадоксально другое - почему я позволяю ему?

- Не надевай его, хотя бы когда мы одни. Будь собой! - внезапно просит.

- Мне комфортнее так... когда он не бросается в глаза вперёд меня.

Кай качает головой и улыбается:

- Я хочу, чтобы рядом со мной тебе было так же спокойно, как и наедине с собой. И так же свободно.

Прочитав в моих глазах недоверие, объясняет дальше:

- Я знаю, как он выглядит, и да, ненавижу его за то, что когда-то тебе пришлось пережить боль, но для меня он - часть тебя, а значит...

Вновь целует в шею, в самый эпицентр деформации на коже, и шепчет что-то неразборчивое, щекоча дыханием и настраивая на игривый лад. Затем я вдруг слышу обещание, которое мне очень нравится:

- Когда-нибудь изобретут способ их убирать, и к тому моменту мы сможем себе это позволить. Если только ты захочешь.

Дело было совсем не в обещании избавить меня от уродливого шрама в будущем, а в том, что это самое будущее далеко было расписано наперёд, но главное, в нём было отведено определённое место и для меня.

- Скажи, твой акцент, откуда он?

- Я родился и до четырёх лет жил под Лондоном - в городке Харлоу, графство Эссекс. Четыре года - это немало, так что моё британское произношение навсегда со мной! - улыбается.

Я тоже улыбаюсь и признаюсь:

- Не могу объяснить, что именно со мной происходит, когда я слышу твоё «еврибХОди» вместо «еврибАди»... но это та-а-ак красиво!

- Хочешь научу? Следи за губами: EVERYBODY...

Georgi Kay - Lone Wolf

И вот я не знаю, что это - оттенок розового на его губах, их контуры или их движения, или же то, как живо мои собственные помнят их нежность - но я прилуняюсь или приземляюсь, а вернее «пригубляюсь», короче, оказываюсь там, где и должна была оказаться. Возвращаюсь домой.

И в тот момент, когда уже осознаю себя лежащей на спине, зажатой близостью большого мужского тела, съедающего моё маленькое ладонями, пальцами, поцелуями, я понимаю, как легко и просто меня обманули! Если б только все обманы на Земле были такими же сладкими...

- Твои родители приехали сюда из Бразилии? - спрашивает тихонько.

- Только отец. Мать из Кореи. Они познакомились на курсах английского языка - учились вместе.

- Твоя мать корейка?

Кай поднимается и с улыбкой вглядывается в моё лицо.

- Да. Но я на неё не похожа. Во мне больше отцовских генов.

- Немножко похожа... - он склоняет своё лицо ниже и мягко вдыхает, - глазами.

Прислушиваясь к собственным ощущениям, вызываемым мягкими прикосновениями его губ к моим векам, я почему-то думаю о весне. Вижу много солнца и талый снег, обречённый снег. Снег, который станет водой, и воду, которая совсем недавно была снегом. Тонкие ручьи собираются в широкие, те вливаются в реки, а реки... они орошают землю, питают её. Землю, которая уже цветёт и обещает осенью плоды.

- Расскажи, что именно ты уже успела заметить? В чём отличие от остальных?

Вопросы, которые он задаёт, не задают обычные люди: уже в том, как он их формулирует, я вижу познания более глубокие, чем среднестатистическая осведомлённость людей об аутизме. Кай определённо изучал вопрос. Это очень хорошо. Так нам будет намного проще.

- Звуки... похоже, для вас они не такие громкие, поэтому вам доступно больше музыки. Я совсем не могу слушать рок, например, он сводит меня с ума. Спокойная композиция с громким окончанием способна спровоцировать срыв - мелтдаун. Вы же спокойно слушаете очень тяжёлую и громкую музыку. Ещё кинотеатры, я в них не хожу. Там слишком много людей и слишком опасные для меня звуки.

- В институте ведь тоже много людей?

- Институт - это необходимость. Это то, на что я ежедневно себя настраиваю. Да, каждое утро - это работа с собой.

- Как это происходит? Что ты делаешь?

- Читаю свою мантру: «Викки, это продлится всего пять часов. Потом отдых: тишина и никого рядом». Я всегда обещаю себе отдых. Если отдыха долго нет, риск мелтдауна резко возрастает.

Он сосредоточенно кивает.

- Как часто это случается?

- Мелтдаун?

- Да.

- В детстве часто. Сейчас - почти никогда. В последний раз...

- На лестничной площадке?

- Да. Ты ТАК понял?

- Задумался. Потом понял, но не до конца. В школе, что было в школе?

Я не хочу об этом вспоминать. А он смотрит. Долго и пристально.

- Расскажи, мне важно это знать! - подбадривает.

- Бывало по-всякому. Но в целом... нормально.

- Что было самое плохое.

- Ну... однажды мне высыпали мусор на голову из совка - пыль, крошки, чужие волосы... у меня случился самый жёсткий приступ в тот раз.

- Кто это сделал?

- Один парень, но наблюдали многие и мальчики и девочки - спланированная акция. Средней школе хотелось выяснить, как я на это отреагирую.

Он отводит глаза, и я не могу прочесть реакцию. Этот человек - первый, кому я рассказываю о самом сильном мелтдауне в детстве, и это странно, потому что он тот, кто заставил пережить самое унижающее потрясение во взрослой жизни. А его, похоже, интересует не это: он снова мягко трогает пальцами шрам на моей шее.

- В детском саду вылили на шею горячий чай. Случайно - так мама сказала, но в сад меня больше не водила. После этого случая я сразу в школу пошла, и что тогда случилось, совсем не помню.

Кай понимающе кивает.

- Мне повезло больше, чем остальным: я легко и быстро обучаюсь, - продолжаю. - Для меня социализация, такой же предмет, как математика: много теории и упорной практики, и вуаля – ты перестаёшь выделяться. Тайм менеджмент и система во всём – жизнь упорядочена, а значит, безопасна и спокойна – это и есть самая надёжная защита от приступов. Я хожу одними и теми же путями, ем одни и те же блюда, стараюсь надевать привычную и комфортную одежду, никогда не экспериментировать с цветами, но главное - придерживаюсь ритуалов в ежедневной рутине.

- Но сложности всё равно остаются.

- Да.

- Что сложнее всего?

- Я не понимаю флирт, юмор, шутки, сарказм, иронию. Вообще. Когда люди это обнаруживают, начинаются проблемы.

- Стёб.

- Да.

- Я до сих пор учусь читать лица. Иногда получается, но чаще... нет.

- Что именно получается?

- Слезы – это легко. Смех – легко, потому что люди щурят глаза, если есть складки кожи в уголках, вот здесь, - не касаясь, указываю на это место у его глаза, - значит, это настоящий смех. С улыбками самое сложное: их слишком много. И я никогда не могу определить, что они означают.

- И попадаешь в неприятные ситуации.

- Да.

- Например?

- Например, когда люди дают мне двусмысленные поручения. Грубый стёб я легко просчитаю логически, но тонкую игру... у меня почти нет шансов. Иногда, бывает, люди не имеют злых намерений, у них и мысли нет, поставить меня в неловкое положение, они просто по привычке играют словами, идеями, а я не жду подвоха и понимаю всё буквально. Попадаю впросак. Такое случилось вот, совсем недавно, - вздыхаю.

- С Адити? – он улыбается. И в уголках его глаз есть небольшие складки. Искренность.

- Откуда ты знаешь?

- Я многое знаю. Но ещё больше чувствую, Вик. И я хочу сказать тебе одну очень важную вещь: со мной ты в безопасности. В ПОЛНОЙ. Запомни это. Расслабься и почувствуй себя свободно. Я обещаю никогда с тобой не шутить, не острить, и не говорить загадками. Всё, что я чувствую, чего хочу и жду от тебя, я всегда буду проговаривать прямо. Рядом со мной твоя жизнь не должна быть челленджем, она обязана быть самым комфортным местом для отдыха и накопления сил для выхода в мир внешний.

- А ты хочешь... мою жизнь рядом со своей?

- А разве ты не видишь, что я делаю?

- Я не могу определить твои эмоции по твоему лицу, а значит, судить о твоих намерениях, о своих перспективах. Я не могу верить всему, что ты говоришь, потому что меня слишком часто обманывали. Поэтому я совершенно не понимаю, что ты делаешь.

- Я пытаюсь стать для тебя... всем.

- Нескромно.

- Зато прямо и честно – как я и обещал. У каждой женщины должен быть мужчина. Настоящий мужчина – тот, кто может быть всем: якорем, маяком, центром притяжения, залогом безопасности, гарантом спокойствия и сытости, источником тепла и комфорта, лучшим и единственным сексуальным партнёром, семьёй, домом, другом, советчиком, попутчиком...

- Ты меня совсем не знаешь!

- Я знаю главное: ты та, кто мне нужен. Я тот, кто нужен тебе. Отсюда и будем двигаться. Маленькими шагами, но стараясь не распыляться и не тратить время на бессмысленную ерунду.

- Свидания?

- Именно. Мне нравится, как ты мыслишь, - улыбается. - Викки, у меня нет времени на них. Совсем. Мне предстоит очень много работы, но... я не хочу тебя терять.

- Мне это подходит. Я тоже не вижу смысла в растрачивании времени в парках на скамейке, если только твои ноги не отваливаются от усталости.

Кай улыбается ещё шире:

- Я же говорил: мы поймём друг друга.

Меня понравился его практичный подход, и я согласилась переехать. Быстро и без лишних уговоров, но при одном условии:

- Я больше не хочу секса.

Мне нравились его руки, вернее то ощущение защищённости и тепла, которые они давали. Мне нравились его мягкие и нежные губы, черты лица, запах и особенно размеры его тела, но мои страхи были сильнее. Поэтому я выдала в высшей степени странное заявление, на которое Кай отреагировал ещё более неожиданно:

- Ничего не будет, если ты не захочешь.

Он не стал спрашивать, «почему?», «ах, неужели тебе не понравилось?» и не пытался убедить в гарантированной успешности нашей следующей попытки, нет, он ответил то единственное, что мне было необходимо от него услышать - выдал гарантию моей неприкосновенности, подтвердил НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ границ моего комфорта. И дальше мой рыцарь мог бы добавить что-нибудь вроде «обещаю» или «даю слово», да что угодно, но он сказал:

- Просто давай *всегда* будем рядом.

Обычные слова, но они оказались способными на неожиданное: я согласилась. Я, которая в высшей степени асоциальное существо, до двадцати двух лет не целованная и ни разу не дружившая с мальчиком, согласилась переехать к незнакомому парню. У нас был не «просто секс» в ту пьяную ночь, каким-то чудом моё сознание пропустило в свой неприступный замок «чужеродные» эмоции. И они проросли, пустив глубокие надёжные корни. Или всё это случилось уже после того секса?

Однако сейчас я могу с уверенностью сказать, что к двадцати двум годам мой аутичный мозг определённо освоил искусство лукавства, потому что, отказываясь от секса, я уже немного лукавила: зелёные глаза, губы, волосы, шея, руки, и то, что скрывала футболка Кая, и что будущие и не только медики относят к грудной клетке, вынимали из меня абсолютно новые чувства и совершенно незнакомые мысли. То, что молодому, здоровому и физически развитому парню изредка приходилось от меня прятать, ещё не вызывало ни мыслей, ни ощущений... но и это было не за горами.

Глава

15.

Поломанные

кровати

Outerskies x Gabriel James - Possibilities

Кай сдержал слово: он не только не пытался склонить меня к близости, но даже не старался соблазнить. Только спросил:

- Тебе где больше нравится, у окна или с краю кровати?

- С краю.

И хотя мой выбор не слишком устраивал любителя свободных пространств и знатного клаустрофоба, он улыбнулся и согласился:

- Хорошо. Значит, я переезжаю к окну!

Сказал и не переехал. Его высоченная и совсем не худощавая фигура заняла почти всю кровать, так что моё расположение особо не играло никакой роли - я как маленькая луна на орбите земли, могла лишь изредка устроить солнечное затмение.

- Нужно купить новую кровать. Займусь этим завтра же, - заявил мой новоиспеченный парень, даже не оборачивая своё тело вокруг меня, оговоренной ранее буквой «С», а скорее просто подмяв под свой бок.

В ту нашу не первую статистически, но первую ночь официально «вместе» мы оба долго не могли уснуть.

- Адити со своим парнем разломали такую же точно кровать, как у тебя, - рассказываю, приносясь к запаху его мыла и кожи и пытаюсь понять, почему он так сильно мне нравится.

Кай смеётся, сотрясаясь всем своим телом, и неосторожно комментирует:

- Такая история, я думаю, имеется у каждого... все мы в определённом возрасте ломаем кровати!

После этого он осекается, сообразив, что ляпнул не то, что следовало, нервно сглатывает, не находя подходящих слов, чтобы исправить, а я пугаюсь неожиданного чувства, пронзившего мою грудь и всё то, что в ней есть острым болезненным пониманием: «У этого парня были и другие девушки. Он проделывал с ними то же, что и со мной, и скорее всего с ними ему было приятней». Но очень скоро ненастье в моей голове развеивается, потому что Кай находит для нас обоих оправдание:

- Редкая девушка сейчас так осторожна, как ты. Это необычайная ценность, по крайней мере, для меня. Редкий парень отказывается от того, что легко доступно, и совсем не задумывается о том, что этот багаж будет тянуть плечи, когда придёт время для настоящего.

Слово «настоящее» мне понравилось. И про «тянуть плечи» тоже. Причём настолько, что я снова обрела дар речи:

- Много их было?

Кай на мгновение перестаёт дышать, и я уточняю:

- Доступных? Как сильно тянет твои плечи?

Я слышу, как ускоряется его сердцебиение, будто он вот-вот сядет на ракету и полетит в Космос.

- Викки, - медленно, негромко, но достаточно чётко произносит, - ты мне очень нравишься. Не просто нравишься, это что-то другое...

- Просто ответь, как много их? - наседаю, сама пребывая в шоке от собственной смелости.

- Некоторое количество. Плечи тянет, но это посильный груз.

Позже, лет пять спустя, Кай мне признается в том, что не весь его сексуальный опыт был удовольствием или хотя бы необходимостью. И подчеркнёт, что его связи и были именно опытом, в котором случались ошибки, самая большая из которых - неразборчивость.

- Сейчас я хотел бы урезать свою статистику. Сократить до минимума.

- А избавиться совсем? Быть у меня первым, как я у тебя?

- Если бы мы встретились в пятнадцать - запросто, - улыбается, - но при тех же исторических данных это вряд ли возможно, Вик.

Цифра пятнадцать меня напугала. Я в свои пятнадцать жила в виртуальных замках, будучи принцессой, и едва-едва узнала, что в природе существует такая пакость, как «месячные».

- Тебе было пятнадцать?

- Да.

- А ей?

- Тоже. Одноклассница.

- И как?

- Никак. Ей было больно, а мне стыдно.

- А потом?

- Потом лучше.
  - А взрослые женщины у тебя были? Старше тебя.
  - Были, но не намного старше. Совсем взрослые никогда не привлекали, - отмахивается. - Всегда было более чем достаточно сверстниц. Да и с ними проще.
  - На каждой вечеринке?
  - Ну... не на каждой...
  - Ясно, значит, на каждой.
  - Нет, Вик. Далеко не всегда.
  - Но вечеринки у вас бесконечные, насколько я знаю.
  - Это теперь, а раньше просто денег на них не было!
  - А с кем же ты сломал свою отроческую кровать?
  - Чёрт, Вик! Ты неугомонна! Может, хватит провокаций? Всё это было до тебя, какая разница?
  - Это твоя история, события, разрисовавшие твою личность!
  - Именно разрисовавшие, не более. Дурацкие рисунки, которые время выводит, как некачественные татуировки, - тут он тычет пальцем в место за ухом, где когда-то красовалась зелёная ящерица. Он вывел её недавно, но след до сих пор виден.
  - Эта татуировка была для девушки?
  - Вроде того, - кивает.
  - Это с ней вы разломали кровать?
  - С ней, - выражение его лица перестаёт быть игривым. Чем оно серьёзнее, тем пронзительнее печёт в моей груди.
  - Кто она?
  - Первая любовь, Викки. Чаще всего, это самый неуклюжий отпечаток на твоём сердце.
  - Дженна? - выдыхаю.
- Он тут же вскидывается, словно его ударили, и, всматриваясь в глаза, отрезает:
- Почему сразу Дженна?!
- И тут же напоминает:
- Дженна для меня только друг и компаньон.
- К «не Дженне» мой интерес не так беспощаден, однако он есть:
- Расскажи, что случилось.
  - Она переспала с другим парнем. После этого мы расстались.
  - Само собой... - соглашаюсь. - Но, как же так? Как можно так?
  - С её слов, вроде как, по пьяни, по дурости. Это случилось в День её Рождения: я работал, ребята отмечали в клубе. Так вышло, глупо и бестолково - так она сказала. Но, думаю, просто щадила моё самолюбие.
  - Она сама призналась?
  - Сама. Потому что знала: рано или поздно донесут другие, и я всё закончу, без вариантов. Измены нельзя прощать: это предательство, нож в спину, вылетевший из самого безопасного места, оттуда, откуда не ждёшь, поэтому беззащитен.
  - Почему ящерица?
  - Она говорила, что цвет моих глаз напоминает ей это животное.

- Странно, что ты не вывел тату сразу, как вы расстались. Неприятное напоминание.

- Не хотел выглядеть ещё смешнее: глупо разрисовывать себя из-за женщины, а потом всё стирать из-за неё же.

Последняя фраза удивляет и бьёт одновременно:

- Из-за женщины? - машинально уточняю.

- Недостойной. Женщины бывают достойными, и нет. Так вот достойной можно и нужно отдавать всё, а недостойные должны проходить мимо и бесследно.

- Для тебя она оказалась недостойной, а для своего парня, наверное, той самой. Просто ты был не её человек.

- Я был её человек. Просто ей не хватило ума ценить то, что бесценно.

Он сделал мне больно этими словами, и даже не заметил, не понял, как сильно мне хотелось верить в свою уникальность, в предназначенность его для меня, меня для него.

- А я, чей человек я? - тихо спрашиваю.

И до него доходит. Он молчит слишком долго - думает, затем выдаёт:

- Викки, у нас всё будет хорошо. Я уверен в этом.

Стало ли легче? Не очень. Мысль, что любить меня так, как когда-то он любил девушку, созданную для него, но предавшую, он больше не будет, съедала. Но не настолько, чтобы встать, развернуться и уйти в закат.

- Что с ней стало потом? Ты знаешь?

- Нет.

- Все люди интересуются теми, с кем хоть что-нибудь связывало. Даже судьбой одноклассников.

- Ты не интересуешься.

- Я - особый случай.

- Насколько особый? - смеётся.

- Я странная, не как все, и ты об этом знаешь, - вздыхаю.

- Ты не странная, ты необыкновенная, - обнимает крепче, пряча в своих огромных ручищах, и целует в макушку.

Глава

16.

Секреты

Dutch Melrose - Stay Awhile

Кай не обманул: на следующий день, вернувшись с работы, я застала его, Лейфа и Олсона собирающими новую икеевскую кровать размера «кинг». Это было первое, что он сделал для «нас».

Во вторник Кай привёз из Суперстора продукты: двадцать упаковок замороженной пиццы, равиоли, такос - всё в полуготовности: заталкивай в микроволновку и ешь - всё просто. Но в среду я него взвела и отварила в большом количестве пасту - чтобы хватило на всех. Элементарно и быстро. А главное вкусно.

Олсон и Лейф поглощали её вечером с громким довольным урчанием, даже Дженна похвалила, одарив своей неизменной мягкой улыбкой.

- Ты не обязана тратить своё время на кормёжку этих оболтусов, - заявил, мягко говоря, не слишком довольный Кай, чем удивил.

- Не трожь Женщину! - воскликнул Олсон, - Боже благослови тот миг, когда наш брат Кай повстречал эту чудную девушку!

И Лейф поспешил с ним согласиться:

- В кои-то веки нам повезло, так нет же! Нужно всё испортить?!

И тут оба друга моего парня награждают его взглядами, которые, я думаю, можно толковать как «Можешь жениться, мы одобряем!».

- Ей нужно учиться так же точно, как и тебе шевелить мозгами! – не теряет серьёзности Кай.

- Ты сам-то её не отвлекай так уж интенсивно! – усмехается шутник Олсон.

- А это уже - не твоё дело! – подытоживает Кай, стараясь подавить улыбку, и бросает на меня свой обычный укутывающий взгляд. Он мне подмигивает, а это, как мы договорились, означает, что у нас с ним есть секрет, который нельзя выдавать. Какой это может быть секрет? Не тот ли, что между нами совсем нет секса?

- Кай, - зову его, как только остаёмся в нашей комнате наедине, - тебе причиняет неудобства то, что у нас нет...

- Секса?

- Да.

- У меня постоянный, почти непрекращающийся секс в мозгах.

- Ты намекаешь на свои фантазии? – хмурюсь.

- Ну... наличие фантазий отрицать не буду, потому что обещал быть честным, но, вообще-то, я имел в виду другое, - усмехается. – Обычно парни говорят так «мне рвёт крышу от этой девочки», что означает: она нравится до такой степени, что ты готов на многие жертвы, лишь бы только она была с тобой. Теперь понятно?

- Понятно. То есть, в целом тебе нормально?

- В целом да, я в норме. Не переживай об этом. И о том, что я рвану искать утешения где-нибудь в другом месте, тоже. Верность для меня не последнее слово, Викки.

И он произносит это с самым серьёзным лицом. Не улыбаясь.

- Это важно для тебя, не так ли?

- Это ОЧЕНЬ важно для меня. Ничего важнее этого нет, если речь идёт о моей девушке. И если ты когда-нибудь захочешь сбить меня с ног, я открываю тебе простой способ: измени мне.

Вначале я ничего ему не отвечаю, а потом выдаю то, что не произнесла бы ни одна нормальная девушка:

- Изменить – это вряд ли. Секс – боль и гадость.

От этих слов он словно вздрагивает и молчит. А потом, когда мы засыпаем почти в полной темноте, он вдруг шёпотом говорит мне:

- Люди получают от близости удовольствие, они этого очень хотят оба: и мужчина, и женщина. В этом не должно быть боли, а главное, безразличия...

Глава 17. Побег

BLOW - Dancing Waters

Понедельник, вторник и среда проходят относительно сносно. А вот четверг...

На четвёртый день моего официального пребывания в квартире Кая в статусе его девушки со мной случается очередной казус.

Их слишком много. Они слишком шумные. У меня раскалывается от них голова. Почти всё своё время я провожу в комнате Кая, и это частично спасает. Частично, потому что у меня есть потребности: кухня и ванная комната. Каждая вылазка на общую территорию заканчивается трясущимися руками и нервозностью. Я успокаиваю себя перелистыванием страниц, когда Кая нет, а когда он есть, держусь изо всех сил.

Это случилось в четверг вечером – я обнаружила себя. Вышла из своего укрытия с целью посетить

ванную и услышала, как Кай просит Лейфа рассчитать девятнадцатое число в последовательности Фибоначчи, чтобы оценить правильность работы фрагмента программы. Я знала из практики, что процесс расчёта рекуррентной последовательности на обычном (не инженерном) калькуляторе, занимает больше времени, чем в моём мозгу. Мой мозг не сравнится с компьютером во многих других операциях, но конкретно в этой он быстрее:

- 2584, если первые два числа в последовательности 1 и 0, или 4181, если первые два числа 1 и 1.

Я просто ответила на вопрос, чтобы сэкономить время.

И я слишком хорошо знаю это выражение лиц. Именно с таким лицом человеческие детёныши рассматривают животных в Зоопарке.

- Спасибо, - благодарит меня Лейф, но рот его, как будто, плохо слушается.

- Спасибо, - благодарит меня Кай.

- Пожалуйста, - отвечаю им я и заканчиваю свой трёхсекундный путь из ванной в комнату Кая, уже имея план в голове.

План побега.

Моя нервная система на пределе, на грани мелтдауна. Второго за последний месяц и за последние пару лет.

Торопливо складываю вещи в свой рюкзак и молча направляюсь снова в ванную. Девочки провожают меня глазами, но он Слава Богу не видит - объясняет что-то Лейфу, тыча карандашом в монитор. Выуживаю свою зубную щётку из ящика и, не выпуская её из рук, не поворачивая головы, шагаю напрямиком к выходу. Его рука хватается меня за плечо, когда я уже успеваю засунуть ноги в кеды:

- Ты куда?

- Домой.

Его глаза непонимающе всматриваются в мои:

- Я думал, твой дом теперь здесь?!

- Мне нужно домой.

- Но ведь... мы же договорились! Мы договорились?

- Прости, я поеду домой.

- Хорошо, - выдавливают. От того, что ему приходится прятать свои эмоции, мне становится ещё хуже. - Стой здесь, я возьму ключи и отвезу тебя.

- Спасибо, но я на автобусе.

- На автобусе? Почти ночью? Ты серьёзно?

- Да. Это будет тысяча семьсот шестьдесят седьмая поездка. Как видишь, у меня уже достаточно опыта в этом навыке. Считается, что потратив на какое-либо дело две тысячи часов, человек становится профессионалом, - рапортую, потому что факты, как правило, легко убеждают людей.

- На автобусе ехать слишком поздно - тебе придётся ждать его около часа, - заглядывает в глаза, - ты же понимаешь это?

- Да.

- Жди меня. Через полминуты выедем.

Четыре пары глаз следят за нами, четыре пары глаз изучают каждую нитку моей одежды и каждый волос на моей голове. Их мысли обо мне слишком громкие, я не могу это выдержать и выскальзываю за дверь, за ней сама собой случается лестница и дорога до остановки. Мне везёт - автобус приезжает сразу, так что мой неожиданный побег проходит в полнейшем комфорте. В Метростане пересаживаюсь на свою ветку скайтрейна, задумываюсь и проезжаю остановку до конечной, затем обратно. В кампус добираюсь почти в полночь и обнаруживаю голубой Бьюик у самого входа. Он подпирает капот, глядя из-под нахмуренных бровей на меня. И я не вижу его глаз. Совсем. Там просто пятно. Он словно чувствует это, проводит обеими руками по лицу:

- Что так долго?

- Уснула.

- В поезде?

- Угу.

Он понимающе кивает:

- Почему убежала?

- Так получилось... - и мне действительно сложно объяснить ему свои чувства, не говорить же про их царапающие глаза и слишком громкие для моих ушей мысли.

- Понятно, - кивает. - Всё хорошо?

- Да.

- Когда мы сможем увидеться?

- На этой неделе я работаю каждый день. Заканчиваю в семь.

- В таком случае завтра после работы я заеду за тобой.

- Хорошо.

- Вик?

- Да? - поднимаю на него глаза.

- Хочешь ли ты видеть меня завтра после работы?

И я совершенно искренне ему отвечаю:

- Я не знаю.

- Хорошо, - кивает. - Я приеду.

Он приехал сильно заранее - в половине шестого. И почти до семи спал в своей машине, проснувшись ровно без пяти семь - наверное, у него где-нибудь спрятан будильник. К моменту моего выхода из клиники, он уже стоит, подпирая свой Бьюик.

- Привет, - улыбается. - Как ночь прошла, как день?

- Хорошо, спасибо. Как твои дела? - заученные формы вежливости - база повседневного общения здоровых людей.

- Мои дела плохи, Викки.

Теперь он уже не улыбается. Может ли это означать, что у него проблемы?

- Что случилось?

- Я ужасно спал.

- Почему?

- Рядом не было тебя.

И я зависаю. Что такое флирт и как его одолеть - раздел, который я проигнорировала, хоть и прочитала. Проблема моего недоверия именно этой части самоучителя по адаптации аутиста в молодёжной среде заключалась в отсутствии логики предложенных методик. Инструкции не гарантировали определённых результатов: дождь либо будет, либо нет, комплимент либо означает, что ты нравишься собеседнику, либо является проявлением вежливости. Как же узнать, что именно у него на уме? Следить за мимикой, интонацией, связать с тем, что было сказано и сделано до этого, «читать по глазам». Всё это замечательно, но только абсолютно невыполнимо.

Он не обижается на моё молчание, спрашивает сам:

- Викки, ты скучала по мне?

И я вновь даю единственно возможный ответ на заданный вопрос, потому что в моей голове никогда

не бывает вариантов:

- Я почти всю ночь о тебе думала.

Он делает до странности долгий, почти судорожный вдох, что-то проглатывает, затем признаётся:

- И я о тебе думал. Почти всю ночь. И очень скучал. И очень хотел, чтобы ты была рядом. С тобой спокойно, приятно и по-настоящему интересно. Ты мне очень нравишься, Викки.

- Ты мне тоже, - сообщаю, глядя в траву.

- Знаешь, мне сейчас очень хочется тебя обнять... жизненно необходимо практически.

- Тогда обними, - поднимаю голову и смотрю прямо в его глаза - они зелёные. Такие зелёные, что от этой зелени нет ну никакого спасения.

Кай подходит, оборачивает руки вокруг моей талии и поднимает. Мы с ним абсолютно не подходим друг другу физически, но он каким-то чудом умудряется сделать так, что это не мешает. Мне хорошо жить в его руках, спокойно - кажется, так он сказал обо мне. И приятно. И очень интересно.

Интересно, что же будет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента

Вы прочитали отрывок из второй книги «Игры на раздевание» серии «15 минут». Порядок и полные версии книг серии:

15 минут (15 минут#1)

Игры на раздевание (15 минут#2)

Нелюбимая Дженни (15 минут#3)

Новости, подарки, промокоды, визуализация героев в авторской группе ВК

Instagram: **victoriasobolev_author**

28.11.2019, 13:03:12

...мне иногда кажется, что Виктория- сценарист британского сериала "черное зеркало", первых двух сезонов, сбивающих с толку, потрясающих, высокорейтинговых.(сейчас бы написать эту мысль верно. прошу простить)... чему бы мне хотелось научиться больше всего? не быть скорой на расправу, обладать способностями логически мыслить, замолчать, тогда, когда тишина пугает больше всего.

мне бы очень хотелось вырасти настолько, чтобы понимать омут. Виктория, Вы - омут, который нравится больше других.

Спасибо Вам!

06.01.2020, 10:34:36

Проникновенная история, очень глубокая со смыслом... Все настолько было непредсказуемо и жертвенно.... Просто за душу взял роман и оставил свой отпечаток там.... И какими бы разными мы ни были, нас соединяет Любовь!

08.01.2020, 08:39:21

Пока я собиралась мыслями, так много всего уже написали))) и про мощь, и про красоту, глубину, надрыв, зашкаливающие эмоции! Я согласна с этим полностью! Кроме этого меня восхищают детали, когда в текст вплетены казало бы крошечные характеристики, но они пробирают прямо до костей и достают до сердца. По таким деталям мы видим как меняется настроение героев, мы, не зная еще, что случится дальше, чувствуем героев. Мое любимое, например, как меняется цветовое восприятие глаз у Кая от "цвета желчи" до "изумрудной зелени", и мы понимаем, что Викк ожила, что она уже не ненавидит, а видит))) слова Кая "выезжаю на одну безразличных к океану во мне улиц", маленькое словосочетания, а мое сердце бешено колотится и я чувствую этот океан боли! Еще одна деталь - вдруг обращаешь внимание на эпиграф в главе "now you look for love in the times of hate....something's gotta change", и рождается предчувствие, что все не напрасно...

07.01.2020, 05:42:25

"Если чтение возвысило ваш дух, если оно внушило вам благородные и отважные чувства, значит, книга хороша и создана рукой мастера." Виктория, большое Вам спасибо.

06.01.2020, 22:35:28

Да.... Так много мыслей, размышлений и эмоций. Такая неоднозначная книга, она конечно о любви не такой простой и понятной как у многих, а такой сложной, неповторимой, нежной и очень хрупкой..... хотя это все та же любовь, только ее многогранность проявляется для всех по-разному...

06.01.2020, 10:29:32

Виктория, огромная ОГРОМНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ за душераздирающую историю. Эта история любви для меня самая правильная, настоящая. В такую любовь я верю...

06.01.2020, 11:14:57

Спасибо! Спасибо! Спасибо! За шквал эмоций, размышления, сопереживания, слез за время прочтения книги.

06.01.2020, 11:55:42

Виктория, БРАВО, БРАВО, БРАВО!!!!!! Меня переполняют эмоции, трудно собрать мысли! Спасибо вам, за такие чувства, прощение, мудрость, за грани, которые есть у такого хрупкого чувства ЛЮБОВЬ, мы сами такие закаменелые и некаждому даётся с выше понять и принять такую любовь, в общей массе (как в одном комментарии) мы не хотим вкладываться в отношения, проще поменять партнера... и так по кругу, кому- то везёт он с уходящей молодостью обретает мудрость, и да, это возможно в любом возрасте- свою половинку! Спасибо!!!!!!!